

Gardarika

Has been issued since 2014. ISSN 2409-6288, E-ISSN 2413-7456
2016. Vol.(6). Is. 1. Issued 4 times a year

EDITORIAL BOARD

Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine (Editor in Chief)
Kudinov Dmitrii – Sumy Regional Institute of Teacher Education, Sumy, Ukraine
Natolochnaya Olga – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation
Rzheshevskii Oleg – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Journal is indexed by: **OAJI, Crossref, MIAR**

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal26.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 20.03.16.
Format 21 × 29,7/4.

Headset Georgia.
Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Order № Go6.

Gardarika

2016

Is.

1

Издается с 2014 г. ISSN 2409-6288, E-ISSN 2413-7456
2016. № 1 (6). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина (Главный редактор)

Кудинов Дмитрий – Сумский областной институт последипломного педагогического образования, Сумы, Украина

Натолочная Ольга – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

Ржешевский Олег – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

Шмигель Михал – Университет Матея Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал индексируется в: OAJI, Crossref, MIAR

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи, ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6

Сайт журнала: <http://ejournal26.com/>

E-mail: sochio03@rambler.ru

Подписано в печать 20.03.16.

Формат 21 × 29,7/4.

Учредитель и издатель: ООО «Научный издательский дом "Исследователь"» - Academic Publishing House *Researcher*

Гарнитура Georgia.

Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.

Заказ № G06.

CONTENTS

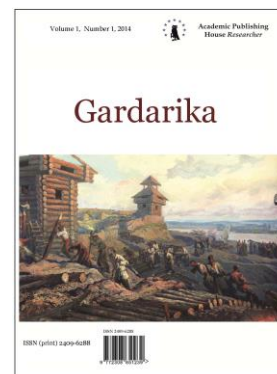
Articles and Statements

The Social-Topographic Structure of Town Horodnya in 17 th – 19 th Centuries Alexandr N. Bondar	4
The Settlement Structure in the Upper Paleolithic as a Migration Marker Arthur Chubur	11
Materials for the History of the Human Settlements of «Baturyn County»: Hamlet (Selo) Obmachev and Township (Mestechko) Novye Mliny Sergey I. Degtyarev	26
Socialist Competitions in Culture (on Materials of Naberezhnye Chelny in 1974-1985) Timur A. Magsumov, Gleb O. Kovzik	41
Romny Fortress in the X-XVIII Centuries Evgenij M. Osadchij	53

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Gardarika
Has been issued since 2014.
ISSN: 2409-6288
E-ISSN: 2413-7456
Vol. 6, Is. 1, pp. 4-10, 2016

DOI: 10.13187/gard.2016.6.4
www.ejournal26.com

Articles and Statements

UDK 94.(477.51)

The Social-Topographic Structure of Town Horodnya in 17th – 19th Centuries

Alexandr N. Bondar

Chernihiv History Museum Named After V.V. Tarnovsky, Ukraine
MA (History), Research Associate
4, Gorkogo Str., Chernihiv, 14000
E-mail: bondar86sanya1@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to problems of formation of social and topographical structure of the town Horodnya in 17th – 19th centuries. It arose in the first half of the 17th century both privately sloboda Hvoschy's family. In early 18th century. Horodnya was hundred's town Chernigov Regiment. Buildings of Horodnya subordinate terrain. All major streets run parallel to the river Chibrizh. The main features of the development of the village preserved in our time.

Keywords: Horodnya, Chibrizh, fortress, castle, Chernihiv region, Hetmanate .

Введение

Одним из наименее исследованных местечек Черниговщины была и остается Городня. Сегодня это административный центр Городнянского района Черниговской области с населением 12 тыс. жителей. Находится Городня в 55 км на северо-восток от Чернигова. С точки зрения исторической топографии, этот населенный пункт интересен тем, что здесь частично сохранилась планировка XVII-XIX вв. Ее изучение существенно дополняет знания о пространственно-топографической структуре городов и местечек Левобережной Украины XVII-XVIII вв.

Материалы и методы

На сегодняшний день, материалов связанных с исторической топографией Городни XVII-XVIII вв. практически нет. Лишь с конца XVIII в., когда местечко становится центром уезда, появляются источники по которым можно проследить её социально- и пространственно-топографическую структуру. К таковым относятся два рукописных плана города. Первый датируется 1780-ми годами, второй – началом XIX в. План последней четверти XVIII в. представляет собой рисованный цветной план, расположенный на «*Карте Черниговской губернии с разделением уездов и расположением вокруг оной уездными городами планов...*» (Рис. 1) [3]. На этом рисунке показаны рельеф, застройка, гидрография и культовые сооружения. К сожалению, этот план лишен экспликации. Однако, практически все эти сооружения подписаны на плане начала XIX в. Он также рукописный и выполнен в

цвете, отобразит рельеф и застройку (Рис. 2). Сравнивая эти планы видно, то за четверть столетия, которые их разделяют, застройка Городни несколько расширилась в восточном направлении. Последующие направления развития планировочной структуры города хорошо видны на 3-х верстовой карте Шуберта второй половины XIX в. (Рис. 3) Также, к началу XIX в., относится план Городни с проектом перепланировки населенного пункта и экспликацией. На этом план под «слоем» новой застройки присутствует «слой» исторической планировки.

Письменные источники также представлены незначительным количеством документов. На сегодня известно лишь одно вербальное описание Городни, не учитывая описания А. Шафонского, относящееся к концу XVIII в. Так же, часть источников была приведена в брошюре «По поводу столетия г. Городни, как уездного города», изданной в Чернигове в 1882 г.

Обсуждение и результаты

Как свидетельствует издание 1882 г.: «Городня, находящаяся при слиянии речек Чибрижи и Бутовки, образующих р. Городну, по справедливому мнению незабвенного ученого Богослова и историка нашего Филарета, Архиепископа Черниговскаго, поселение очень древнее, до татарское. Доказательством тому служит, находящееся на левом берегу реки Городни Городище, земляное укрепление, которое возобновлено было во время гетьманства и скрыто по открытии уезда, для постройки на нем судебных мест». [7, с. 2].

Археологические разведки XX в., на территории Городни показали, что здесь существовало древнерусское поселение, вероятно, укрепленное [8, с. 186]. Достоверных свидетельств о судьбе населенного пункта в период между XIII и XVII вв. на сегодняшний день нет. Долгое время существовало предположение, что само название Городня, происходит от «огороженного места» [1, с. 41], однако, по мнению А. Дудко, это больше связано с «загородой» (греблей) на р. Чибриж. По-этому, вероятно, и фрагмент этой реки, протекающий по Городне, называется речкой Городенкой, а и ниже, и выше по течению, она остается Чибрижем.

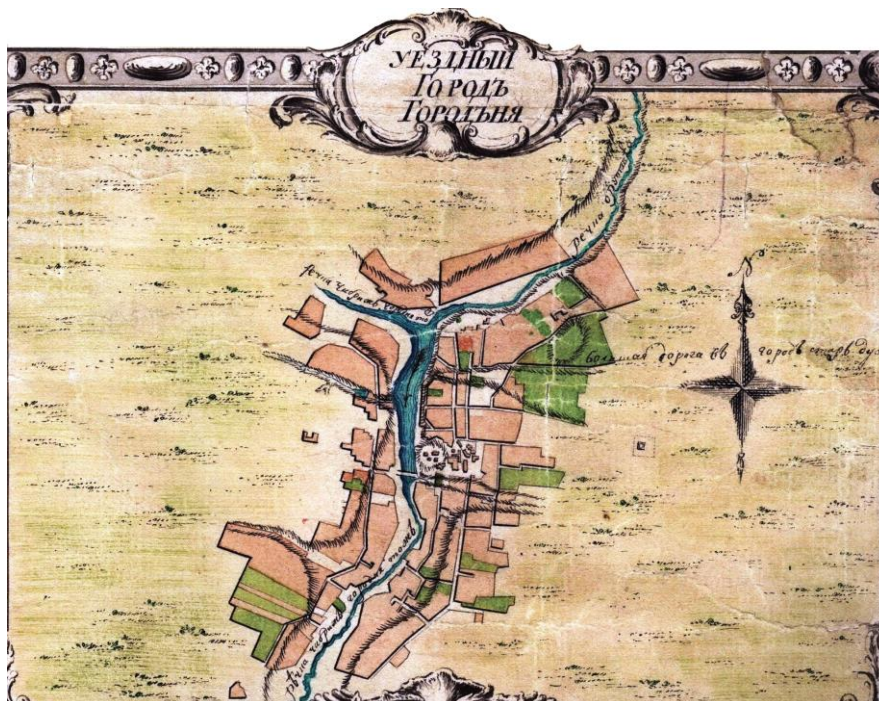

Рис. 1. План Городни 1780-х годов.

Населенный пункт под названием Городня, известен с первой половины XVII в. Существует мнение, что Городня впервые упоминается в 1552 г, вернее упоминаются дети

боярские из Городни, однако точных данных о какой именно Городне идет речь, не существует [2, с. 260]. По-этому, вернее всего будет считать точкой отсчета истории современной Городни первую половину XVII в. В начале 1640-х годов. Семья Фощей осадила «слободку Городню» [4, с. 291]. В 1649 г. Городня уже числилась населенным пунктом в составе Седневской сотни Черниговского полка, а с 1705 г. – сотенным городком. А. Шафонский в последней четверти XVIII в. зафиксировал: «О начале города, кем и на какой случай он построен, нет никакого известия. Но по утверждению городничьих жителей, на словесных преданиях своих предков основаному, известно, что Городня за польского владения не была городом королевским, но местечком, польскому шляхтичу Хвоцу принадлежащем... За самим городом, над рекою Чибрижем, и поныне то место изветсно, где дом, винокурня и колодезь Хвоца стояли, котораго следы еще видны. ... Во время изгнания Поляков из Малої Росси, розорена и опустошена была» [9, с. 340]. Далее А. Шафонский описывал, как черниговский полковник Д. Многогришний приказал переселить в Городню людей из Седнева, в результате чего Городня стала местечком. Такой шаг гетьмана, вероятно, был продиктован запустением населенного пункта после боевых действий конца 1640-х – начала 1660-х годов. По Румянцевской описи 1765 г. в Городне насчитывалось 167 дворов [5, с. 74].

Рис. 2. План Городни начала XIX в. (прорисовка автора):

1. Городище. 2. Дамба (гребля, загорода, загата). 3. Соборная Троицкая церковь.
4. Васильевская церковь. 5. Николаевская церковь.

Статус города, Городня получила довольно поздно, лишь в 1782 г. и связано это было с изменением административного устройства, поскольку в этом году был образован Городнянский уезд в составе Черниговского наместничества. Описание города на рубеже XVIII-XIX вв. свидетельствует: *«Поветовый город Городня состоит из двух частей. Пространство котораго заключает в себе по высочайше конфирмованному плану 6 верст 430 сажений. К сему городу никаких предместий не имеется»* [6, с. 231].

Судя по плану, Городня в последней четверти XVIII в. имела две главные улицы, которые проходили по обе стороны от р. Чибриж. Сами улицы были разделены на подпрямоугольные кварталы. Улица на левом берегу называлась Красной, а на правом – Максимовкой [7, с. 7]. Центр поселения находился на левом берегу р. Чибриж. На планах конца XVIII – начала XIX вв. в центральной части находилась соборная церковь и административные здания, о которых упоминает А. Шафонский. Здесь же находилась городская площадь и торговые лавки. Рядом с церковью на восток, ближе к реке прослеживалось незастроенное округлое возвышение диаметром около 50 сажений с обрывистыми краями. Вероятно, что именно здесь в XVII в., находились укрепления. На это указывают и данные, приведенные А. Шафонским: *«В первой части, на самом левом берегу речки Городни, лежит возвышенное место, Городищем называемое, в поперек 45 сажень, которое, до построения нынешних судебных мест, небольшое земляное древнее укрепление имело и которое для помещения оных скрыто. Бывшим ли владельцем польским или кем другим сей город был построен, того неизвестно, а только потому достопамятно, что Император Петр Великий, во время Шведской войны, на сем месте в день своего тезоименитства, Июня 29 дня, праздновал»* [9, с. 342]. Если верить преданию о пребывании Петра I, то можно допустить, что он останавливался в некоей укрепленной резиденции, а не посреди пустого городища. Вероятно, эти укрепления существовали на остатках древнерусских фортификаций. Это городище успело, до своей ликвидации в XVIII в., сыграть определенную градообразующую роль в Городне, взяв на себя роль центрального ядра поселения, где протекала вся общественная жизнь города.

Следует допустить, что укрепления не ограничивались только одним городищем, а вокруг был и укрепленный посад, что характерно для подавляющего большинства сотенных городков и местечек второй половины XVII в. Именно укрепления посада и срыли, когда расчищали территорию для «судебных мест» в конце XVIII в., поскольку на планах начала XIX в. уже присутствуют судебные места, а на запад от них изображено и городище.

Также в Городне на плане начала XIX в. показаны три церкви. Одна в центральной части на площади. Вторая восточнее города на Стародубской дороге и третья на правом берегу р. Чибриж.

Рис. 3. Городня на 3-верстовой карте Шуберта, вторая половина XIX в.

Соборная деревянная Троицкая церковь, находилась на центральной площади. Она была построена в 1732 г., а перестроена в 1752 г. До сооружения этой Церкви, на ее месте стояла более ранняя, А. Шафонский указывал, что время ее сооружения не известно [9, с. 343]. Однако в издании 1882 г. указывается, что первоначальная деревянная церковь сгорела в 1696 г. [7, с. 5].

Вторая церковь – Васильевская, согласно А. Шафонскому, располагалась на правом берегу р. Чибрижа. Она обозначена и на одном из планов конца XVIII – начала XIX вв. Это была приходская церковь, сооруженная на новом месте, по крайней мере так утверждает А. Шафонский. Построена она была в 1756 г. Издание 1882 г. дает данные о том, что Васильевская церковь была перенесена в Городню в 1757 г. из села Хотуничи.

И третья, деревянная Николаевская церковь, находилась на кладбище, на восток за пределами города. Она обозначена на плане начала XIX в. Ее строительство началось только в 1781 г. На плане конца XVIII в. на ее месте нарисован только двойной прямоугольник, вероятно, обозначающий будущую церковь.

Если предположение о том, что Троицкая соборная церковь построена была еще во второй половине или в конце XVII в., считать верным, то получается, что центральная часть Городни и сформировалась в это время: небольшие укрепления городка над рекой, сразу за ними площадь-эспланада на которой находится соборная церковь, которая и стала высотной доминантой местечка. Здание церкви закрывало пространство улиц с севера, юга и запада. Возможно, что центральная часть была окружена также укреплениями.

Строительство Васильевской церкви на правом берегу уже в середине XVIII в. свидетельствует о том, что поселенцы начали заселять эту террасу несколько позже левобережной, и они изначально не имели своей церкви. Только в середине XVIII в., в связи с ростом численности населения, здесь решено было создать отдельный приходской храм для нужд общины. Об этом свидетельствует и прошение казаков в середине XVIII в. с правого берега Чибрижа, о том, чтобы построить церковь. В частности они жалуются на то,

что из-за весенних и осенних наводнений, а также частых прорывов «гребли», они лишаются церковных нужд и обрядов [7, с. 6].

Заключение

В общем, историческая планировочно-пространственная структура Городни имеет четко выраженный линейный характер с прямыми улицами и переулками, что пересекались почти под прямыми углами. Раннемодерные укрепления города сыграли роль ядра у которого концентрировалась жизнь поселения. Именно перед укреплениями была построена еще в XVII в. соборная церковь, которая была перестроена в 1732 г. После ликвидации укреплений, церковь стала высотно-пространственной доминантой Городни, в которую были направлены все центральные улицы. В первой половине XIX в. планировочная структура Городни была несколько изменена. Улицы стали более ровными, а кварталы приобрели прямоугольные очертания. Однако основные направления улиц и доминант остались прежними, как и в XVIII в. К сожалению, ни одна из церквей Городни до нашего времени не сохранилась, лишь на месте старой Николаевской построена в начале XXI в. новая одноименная церковь.

Примечания:

1. Бондар О. Замки та фортеці Чернігово-Сіверщини в XV-XVIII ст.: ілюстрований довідник. Київ, 2015. 178 с.
2. История городов и сел Украинской ССР. Черниговская область. Киев, 1983. 816 с.
3. Карта Черниговской губернии с разделением уездов и расположением вокруг оной уездными городами планов // НБУ імені В. Вернадського - Відділ картографії. № 23439.
4. Кулаковський П. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої. 1618-1648 рр. Київ, 2006. 496 с.
5. Лазаревский А. Обзорение Румянцевской описи Малороссии. Черниговский полк. Чернигов, 1866. 391 с.
6. Описи Лівобережної України кінця XVIII – початку XIX ст. Київ, 1997. 325 с.
7. По поводу столетия г. Городни, как уездного города. Чернигов, 1882. 12 с.
8. Черниговщина: енциклопедичний довідник. Київ, 1990. 1008 с.
9. Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851. 697 с.

References:

1. Bondar O. Zamky ta fortetsi Chernihovo-Sivershchyny v XV-XVIII st.: ilyustrovanyy dovidnyk. Kyiv, 2015. 178 s.
2. Istoriya gorodov i sel Ukrainskoy SSR. Chernigovskaya oblast'. Kiev, 1983. 816 s.
3. Karta Chernigovskoy gubernii s razdeleniem uezdov i raspolozheniem vokrug onoy uездными городами planov // NBU imeni V. Vernads'kogo - Viddil kartorafii. № 23439.
4. Kulakovs'kyu P. Chernihovo-Sivershchyna u skladi Rechi Pospolytoy. 1618-1648 rr. Kyiv, 2006. 496 s.
5. Lazarevskiy A. Obozrenie Rummyantsevskoy opisi Malorossii. Chernigovskiy polk. Chernigov, 1866. 391 s.
6. Opisy Livoberezhnoyi Ukrayiny kintsya XVIII – pochatku XIX st. Kyiv, 1997. 325 s.
7. Po povodu stoletiya g. Gorodni, kak uездного города. Chernigov, 1882. 12 s.
8. Chernigovshchina: entsiklopedichnyi dovidnik. Kiiv, 1990. 1008 s.
9. Shafonskiy A. Chernigovskogo namestnichestva topograficheskoe opisanie. Kiev, 1851. 697 s.

УДК 94.(477.51)

Социально-топографическая структура местечка Городня в XVII–XIX вв.

Александр Николаевич Бондарь

Черниговский областной исторический музей имени В.В. Тарновского, Украина
Магистр истории, научный сотрудник
14000, г. Чернигов, ул. Горького, 4
E-mail: bondar86sanya1@rambler.ru

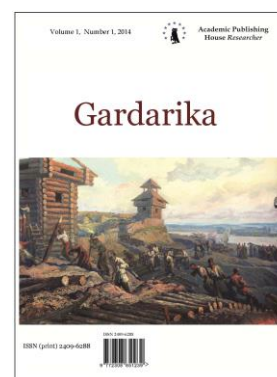
Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования социально-топографической структуры местечка Городня в XVII–XIX вв. Возникшая в первой половине XVII в. как частновладельческая слобода семьи Хвощей, уже к началу XVIII в. Городня стала сотенным городком Черниговского полка. Застройка Городни подчинена рельефу местности, а все главные улицы проходят параллельно к реке Чибриж. Основные черты застройки этого населенного пункта сохранились и в наше время.

Ключевые слова: Городня, Чибриж, крепость, замок, Черниговщина, Гетманат.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Gardarika
Has been issued since 2014.
ISSN: 2409-6288
E-ISSN: 2413-7456
Vol. 6, Is. 1, pp. 11-25, 2016

DOI: 10.13187/gard.2016.6.11
www.ejournal26.com

UDC 903.42

The Settlement Structure in the Upper Paleolithic as a Migration Marker

Arthur Chubur

Bryansk state university academician I.G. Petrovski name, Russian Federation
14, Bezhitskaya st., Bryansk 241036
PhD, Associate professor
E-mail: fennecfox66@gmail.com

Abstract

The hierarchic typology of Paleolithic dwellings is presented. I levels: artificial features and natural shelters. II levels: dwellings-settlement and elementary dwellings. Level III for elementary dwellings: bone-earthen, with some large bones, without bones. To dwellings-settlements concern Kostenki-Avdeevo complexes (lengthy facility with a line of the hearths, on a site surrounded by storage pits and recessed into the mainland huts), "lengthy houses" Kostenki IV (lengthy facility with a line of the hearths), habitation Yeliseevichi complex (site surrounded by recessed into the mainland huts). Based on ethnographic analogies from different points of the globe following hypothesis is proposed to explain the phenomenon of "settlement-houses." A similar build was elaborated in stereotype similar situations. This is one of the self-adaptive mechanisms of people who were on the open spaces uncontrolled by them only just new spaces. Life on foreign soil forced to seek a closed, compact layout of the settlement. It gave not only physical protection, but also a sense of security and control space. The sacred space of the house extends to all settlement. The dwellings-settlements may serve as a marker for non indigenous a population.

Keywords: upper palaeolithic; hierarchical topology; elementary dwelling; dwelling-settlement; adaptive mechanism; migration marker.

Введение

Палеолит – наиболее древний, и пока наименее познанный период в истории человечества. Именно поэтому важны как новые способы получения информации о социумах этого периода, так и выработка устойчивых критериев для анализа особенностей миграций и взаимодействия таких древних социумов. Давно известно, что организация и использование пространства группами людей при их расселения и проживании способны служить социальным и этническим маркером. Согласно типологии, предложенной Б. Триггером, выделяются три уровня расселения: жилище, поселение (характер расположения жилищ в его пределах), зональные расселения (то есть ландшафтная приуроченность поселений) [1]. Однако для палеолитической эпохи разработанность проблемы использования в качестве социально-этнических маркеров всех трех перечисленных уровней находится пока в зачаточном состоянии: археологи предпочитают намного чаще опираться на изучение и сравнение типологии изделий и особенностей технологий.

Какими социальными причинами могут быть обусловлены наблюдающиеся существенные различия в типологии жилищ и структуре поселений эпохи палеолита? В данной работе не планируется дать комплексный ответ на поставленный вопрос (да это и невозможно в пределах одной статьи), однако предпринимается попытка уточнения типологии жилых объектов на базе особенности их структуры, и найти объяснения причин возникновения особых замкнутых жилых комплексов, давно привлекающих внимание исследователей яркой и своеобразной материальной культурой.

Методика и материал

В работе автором применялись принципы историографической традиции, конкретности, системности, а также систематизация, структурирование и обобщение. В качестве конкретных методов исследования применены структурный анализ, иерархический метод классификации объектов, сравнительно-этнологический метод. Накапливая данные, автор не только изучал результаты исследований палеолитических памятников по публикациям и архивным материалам (научные архивы Института археологии РАН, Института истории материальной культуры РАН, Института археологии НАН Украины, Института истории НАН Беларуси, Брянского и Юдиновского краеведческих музеев, личные архивы археологов К.М. Поликарповича и Ф.М. Заверняева), но и самостоятельно исследовал палеолитические поселения Быки, а также в течение многих лет участвовал в полевых исследованиях стоянок Авдеево, Пушкари 1, Зарайск, Костенки 1, Хотылево 2, Юдиново, Новгород-Северский и ряда других, наблюдая при этом особенности структуры поселений и расположенных на них жилых объектов. Кроме того, автор лично посетил и осмотрел практически все основные палеолитические поселения центра Восточной Европы, изучая особенности их расположения.

Обсуждение

П.И. Борисковский, разрабатывая основы типологии палеолитических жилищ, сразу обратил внимание на такой существенный фактор, как количество очагов. Небольшие округлые одноочажные жилища (как наземные, так и углубленные, полуземляночные) он считал более ранней формой, а многоочажные жилища (как результат слияния групп одноочажных) - более поздней [2]. Аналогичный типологический принцип применил и К.Скленарж, назвав первый тип центральным (с очагом в центре), а второй – осевым [3].

А.Н. Рогачев выделил для Восточной Европы сразу ряд устойчивых типов [4; 5]. Однако в процессе дальнейших исследований накопились факты, не укладывающиеся в рамки предложенной им схемы. Так, раскопки В.И.Беляевой в Пушкарях выявили новое жилище, конструкция которого оказалась сходна с «секцией» знаменитого трехочажного пушкаревского дома, изученного и реконструированного П.И. Борисковским. Жилая западина с центральным очагом имела размер ~ 3 x 3 м, по краям располагались вкопанные черепа и длинные кости мамонта, служившие основанием для опор перекрытия. Окружали западину вбитые в 6 ям и в материк кости мамонта. Объекты, описанные Борисковским как три внешних кострища у трехочажного жилища, по результатам раскопок Беляевой предстали тремя зонами эвакуации зольной массы через, соответственно, три входа: «трехочажное жилище» оказалось тремя плотно стоящими одноочажными хижинами, аналогичными новой [6, С.53-113, 136-138]. В «длинных жилищах» нижнего слоя Костенок 4, считавшихся А.Н.Рогачевым однотипными с пушкаревским, очаги по оси сооружения расположены местами столь плотно, что реконструкция в виде ряда одноочажных хижин оказывается принципиально невозможной. В итоге Александровско-Пушкаревский тип жилищ распадается. Александровско-Тельманский тип также иллюзорен: жилища верхнего слоя Костенок 4, лишь местами слегка углубленные человеком [7, С.21-33 Рис.6, 8], имеют больше сходства с наземными Аносовско-Гмелинскими жилищами, а не с углубленной почти на метр капитальной полуземлянкой Тельманской стоянки. Нет места в типологии А.Н. Рогачева и для сооружений стоянки Елисеевичи.

Основная проблема типологии А.Н. Рогачева состоит в том, что каждый тип выделялся по особой совокупности признаков без соотнесения с остальными типами. Автору представляется, что таксономия должна носить иерархический характер [8]. Таблица представляет предлагаемый уточненный вариант типологии палеолитических жилищ (Таблица, Рис. 1).

Учитывая наличие следов обитания в гротах (например, Новгород-Северская стоянка, дающая классический «пещерный» разрез отложений) для начала следует разделить палеолитические жилища Восточной Европы на искусственные сооружения и обустроенные естественные убежища. Далее искусственные сооружения, согласно выделенному П.И. Борисковским и К. Скленаржем ключевому признаку, следует разделить на многоочажные (жилища-поселения), и одноочажные (элементарные), являющиеся элементами поселений, состоящих из одного или нескольких таких жилищ и других объектов. Заметим, что некоторые одноочажные жилища вообще не имеют внутреннего очага, ибо он вынесен в прижилищное пространство, а внутри он мог заменяться жировыми лампами.

В типологии элементарных жилищ критерием дальнейшей классификации может быть применение крупных костей в архитектурных конструкциях. Можно выделить три варианта: 1. Массовое применение крупных костей мамонта в архитектуре: фундамент из вкопанных черепов и крупных костей и их использование в конструкции перекрытия (Мезин, Юдиново, Супонево, Костенки 2 и 11, Межирич, Гонцы, Добраничевка и др.) – Аносовско-мезинский тип (как и у А.Н.Рогачева). 2. Использование отдельных крупных костей в несущей конструкции (отдельные вкопанные черепа и вбитые в грунт кости конечностей мамонта, служившие опорами для перекрытия – Хотылево 2, Пушкари 1 и др.) – Пушкаревский тип. 3. Отсутствие костяных конструкций.

При прочих равных параметрах (округлая в плане форма, диаметр 5-6 м, как правило – центральный очаг), основной признак, делящий элементарные жилища третьей группы – соотношение уровня пола и уровня древней дневной поверхности. Глубина свыше полуметра и почти вертикальные стенки отличают полуземляночный Тельманский тип (Костенки 8 слой 1, Гагарино, Быки 1, возможно - Пены) от наземного или слегка углубленного самого распространенного Гмелинского типа (Костенки 21, Костенки 11-2, Костенки-4-1, Костенки 8-2 и др.). Делить первые две группы на углубленные и неуглубленные жилища нет смысла: и жилища западина в Пушкарях 1, и углубленный пол в третьем жилище Юдиново 1 находятся лишь на 20–30 см ниже древней дневной поверхности. Такое углубление могло возникнуть при вытаптывании, выравнивании пола и даже при регулярном удалении из жилища мусора и золы с частью материка. Это подтверждают актуалистические наблюдения автора за лагерем Хотыльёвской экспедиции ИА РАН и БГУ, где столовая с земляным полом, ежегодно устанавливаемая на постоянном месте, за десятилетие трансформировалась из наземного сооружения в заметно углубленное. Степень углубленности могла быть связана и с глубиной залегания вечной мерзлоты: подтаивающую грязь приходилось бы регулярно удалять, что не могло не приводить к постепенному «погружению» пола.

Особенностью размещения элементарных жилищ на площадке поселения является то, что они, как правило, не образуют полностью замкнутого пространства, располагаясь линейно, хаотично или же в лучшем случае дугообразно [9]. В отличие от них объекты, названные здесь «жилищами-поселениями» (как правило, многоочажные) являются замкнутыми структурами образующими конструктивно единый и пространственно обособленный комплекс значительной протяженности (до 40 м) и площади (до 450 кв.м.). Их можно рассматривать одновременно и как жилища со сложной структурой, и как самостоятельные поселки. В контексте данного исследования собственно феномен «жилищ-поселений» и вызывает наибольший интерес.

Таблица 1

Типология жилищ на верхнепалеолитических поселениях

			искусственные				естественные
жилища-поселения			элементарные жилища				гrotы, пещеры
Костенковско-Авдеевский тип	Александровский тип	Елисеевичский тип	Со сложными костно-земляными конструкциями	С использованием крупных костей в конструкции	Без широкого применения костей		Новгород-Северский тип
			Аносовско-Мезинский (Юдиновский) тип		Пушкаревский тип	полуземля-ночные	
Костенки 1-1, Авдеево-Новое, Зарайск	Костенки 4-1	Елисеевичи, Авдеево-Старое		Юдиново, Супоново, Мезин, Межиричи, Добраничевка, Гонцы, Костенки 2, Костенки 11-1а		Пушкари 1, Хотылево 2, Зарайск (верхний слой)	Костенки 8-1, Гагарино, Быки 1

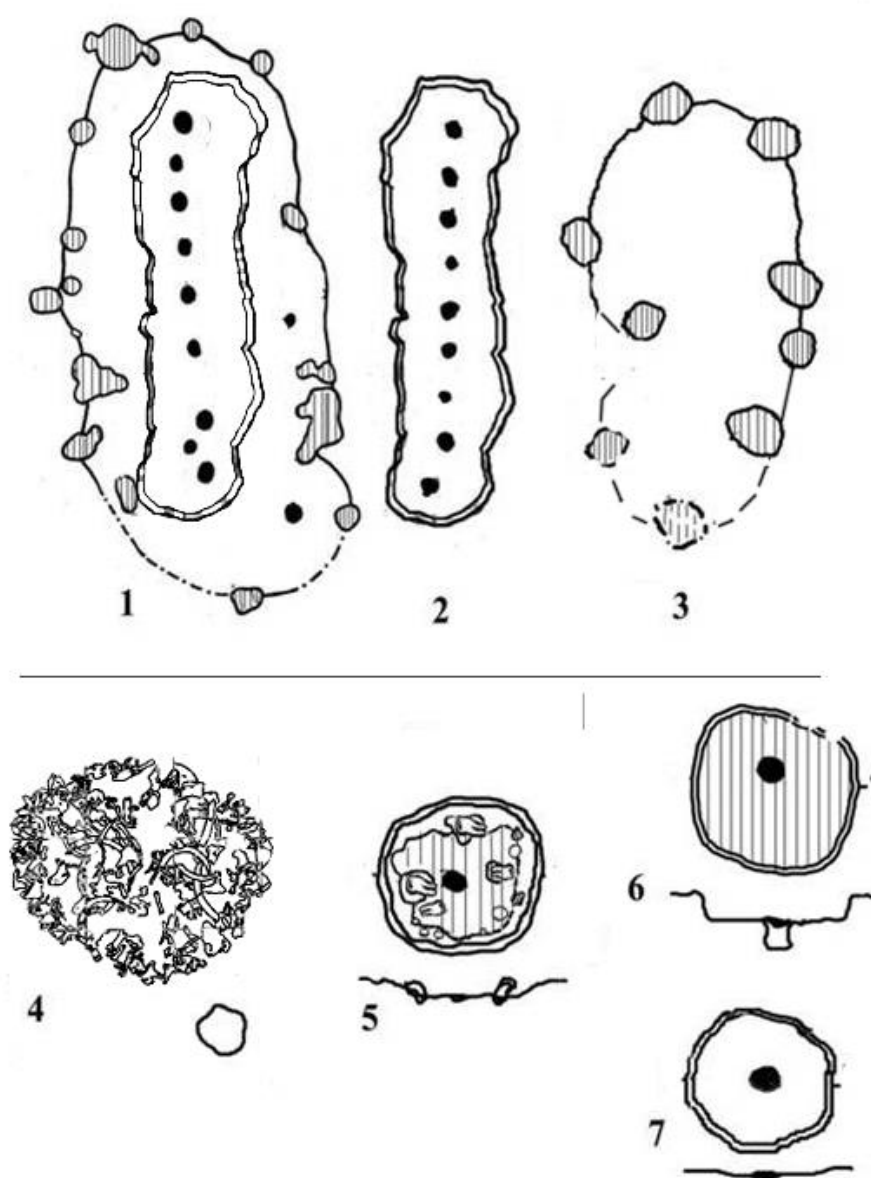

Рис. 1. Типология палеолитических жилищ. 1-3 – жилища поселения, 4-7 – элементарные жилища. 1 – костенковско-авдеевский комплекс (Костенки 1, слой 1). 2 – «длинный дом» (Костенки 4, слой 2). 3 – елисеевичский комплекс (Елисеевичи 1). 4 – ановско-мезинский тип, костно-земляное жилище (Межирич). 5 – пушкаревский тип, жилище с применением крупных костей (Пушкари 1). 6 – Тельманский тип, углубленное жилище (Костенки 8, слой 1). 7 – Гмелинский тип, наземное жилище (Костенки 21 слой 3).

Наиболее известный тип – это костенковско-авдеевские комплексы (Костенки 1 верхний слой, Авдеево-Новое, Зарайск), представляющие собой объект с линией очагов на овальной жилой площадке, обрамленной большими хозяйственными ямами и полуземлянками (иногда их непросто отличить друг от друга). Анализируя особенности костенковско-авдеевских комплексов, В.Я. Сергин предложил считать каждый из них самостоятельным поселением, не отвергая их восприятия и как огромных жилищ [10]. Этот вывод был подтвержден исследованиями в Зарайске, где наблюдаются как минимум два перекрывающих друг друга типичных костенковско-авдеевских комплекса [11].

Марксистская гигантомания долго негативно влияла на достоверность реконструкций, а описания и изображения покрытых шкурами циклопических «ангаров» поныне кочуют по изданиям. Так, П.П. Ефименко, полагая, что речь идет о доме целого рода, не разделенного на семьи, считал, что очаги и полуземлянки были перекрыты единой крышей из шкур, в результате чего утепленная площадь достигала 600 кв.м. и более [12]. Даже в настоящее время возведение таких крупных утепленных помещений, как и их отопление – сложная инженерная задача, а в палеолите – так и попросту невыполнимая. А.Н. Рогачев осторожней предположил, что полуземлянки были присоединены по периметру к центральному «большому дому» в качестве «отдельных комнат» [13]. Намного более разумную позицию занял Г.П. Григорьев, считая, что полуземлянки и сооружение с линией очагов были единым комплексом, но между ними лежала открытая жилая площадка с насыщенным культурным слоем – само же центральное сооружение напоминало длинные дома из нижнего слоя Александровской стоянки (Костенки 4). Ширина такого длинного дома, по мнению Г.П. Григорьева, могла достигать 5-8 м [14]. В.Я. Сергин предложил реконструкцию в целом сходную с предыдущей, но с еще более узким (2,5-3,0 м) сооружением над очагами [15].

Некое перекрытие над очагами, скорее всего, действительно имело место, но вряд ли оно имело постоянные стены (это отразилось бы хотя бы на отдельных участках культурного слоя). Скорее стены могли напоминать поднимаемый и опускаемый по мере необходимости полог из шкур. Распределение находок, в том числе костяных поделок, не дает четкой зоны концентрации, не позволяет связывать активную деятельность обитателей исключительно с приочажной полосой, хотя в целом обработанная кость из культурного слоя тяготеет к ней [16]. Вероятно, над очагами имелось что-то напоминающее навес от непогоды, сходный центральной частью типичной деревни в центральной и западной Африке. «В любой деревне непременно есть место для своеобразного клуба встреч. Обычно это поляна посреди деревни, где часто сооружен навес под крышей, но без стен. Здесь работали кузнецы, иногда ткачи, здесь вечерами у костра слушали легенды и сказки бывалых стариков, здесь же была и своеобразная судная площадь, где после выслушивания сторон вождь и его советники разрешали споры и выносили приговоры, здесь и ныне собираются свободные от хозяйственных забот мужчины, обмениваются последними новостями...» [17, с.97]. Наверное, нечто похожее можно было наблюдать внутри костенковско-авдеевского комплекса, только место кузнецов заняли бы мастера по обработке кремня или косторезы.

Второй тип, относимый к категории «жилищ-поселений» – Александровский. Это «длинные дома» с десятком и более очагов вдоль оси сооружения и, вероятно, с двускатной крышей, из второго слоя стоянки Костенки 4. Они не могут быть отнесены к «элементарным жилищам» ни по числу очагов, ни по размерам (35 x 5 и 23 x 5,5 м), которые сопоставимы с многоочажным объектом по оси костенковско-авдеевских комплексов [18]. Нет убедительных доказательств синхронности двух «длинных домов» Костенок 4, хотя гипотеза М.Н. Желтовой с привлечением этнографических аналогий о том, что это так называемые «мужской» и «женский» дома единого поселка [19]. По сути дела, Александровский тип – это «усечённая», лишенная обрамления из ям и полуземлянок осевая часть костенковско-авдеевского комплекса. В отличие от костенковской линии очагов, александровские жилища-поселения несколько углублены.

Третий тип жилищ-поселений назван «елисеевичским» по стоянке Елисеевичи 1. В противоположность Александровскому типу, Елисеевичский можно представить как обратный вариант «усечения» костенковско-авдеевского комплекса, лишенного на этот раз центральной, осевой линии очагов. На стоянке Елисеевичи 1, если иметь в виду основной, нижний культурный слой, небольшие полуземлянки и ямы с костно-земляными конструкциями, так же, как и в Костенках, Авдеево и Зарайске обрамляли жилую площадку поселения [20]. Эти углубленные объекты не были идентичны костенковско-авдеевским землянкам по форме и конструкции, но, вероятно, функционально были близки. На площадке поселения, однако, не выделяется характерная для костенковско-авдеевских комплексов линия из больших округлых очагов.

Протяженность ограниченной ямами-землянками площадки с запада на восток превышает 20 м. Точнее о длине овала судить трудно, ибо какие-то объекты с множеством костей мамонта были размыты рекой еще в начале XX века. Четко вписывается в край «овала» комплекса яма, интерпретированная К.М. Поликарповичем, как «спальная», с

которой, судя по опубликованному плану [21, вклейка] также были связаны крупные кости мамонта. Эта ранняя структура перекрыта более поздним горизонтом обитания связанным с «зольником» раскопов 1935 и 1948 гг., находящим близкие аналогии в Хотылево 2 и Пушкарях. Во всех случаях такие «зольники» - это не пятна жилых структур и не следы кострищ, как думали вначале многие археологи, а напротив – зоны эвакуации очажной массы и мусора из жилищ: результат стереотипа бытового поведения. Их обычное положение – вне внутреннего обитаемого пространства собственно жилых сооружений. Не исключено, что зольник фиксирует место выхода с территории овального объекта. Более того, он свидетельствует о наличии на площадке не сохранившихся по каким-то причинам кострищ либо очагов. Возможно именно из-за наличия позднего горизонта обитания [22] и массы мерзлотных нарушений не наблюдается и четкой границы распространения культурного слоя на исследованной в Елисеевичах 1 площади. Попытка детализация структуры этой стоянки на основании анализа накопленной информации – дело ближайшего будущего.

Линия очагов изначально отсутствовала и в комплексе Авдеево–Старого. Если так, то Авдеево-Старое отличается от типичных костенковско-авдеевских комплексов из Авдеево-Нового, Костенок 1 и Зарайска и по своей структуре сближается с Елисеевичами 1.

Существуют ли для «жилищ-поселений» верхнего палеолита Восточной Европы какие-либо этнографические аналогии, способные пролить свет на особенности устройства и причины возникновения таких объектов?

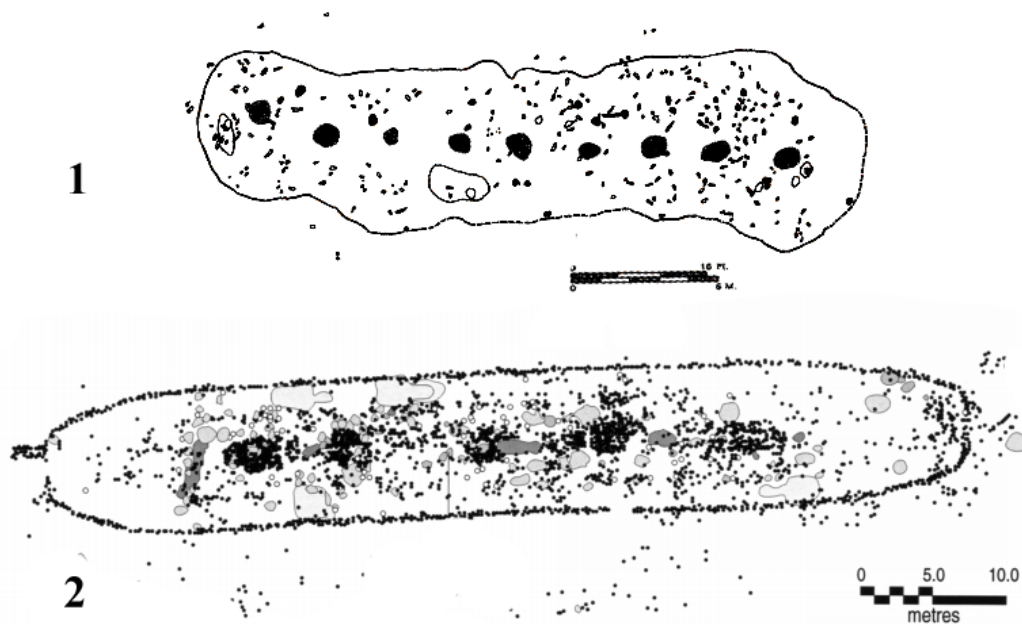

Рис. 2. Длинные «жилища-поселения». 1. Постройка 1, палеолитическая стоянка Костенки 4. 2. Постройка 7, стоянка ирокезов Дансмор (по: Grigor`ev, 1967; Robertson & Williamson, 2003)

Рис. 3. Реконструированный длинный дом ирокезов (Sainte-Marie among the Hurons, Canada)

Что касается «длинных домов» Костенок 4 и многоочажных комплексов в Костенках 1 и Авдеево, чаще всего в качестве аналогии им в советской археологической и этнографической литературе выступают длинные дома ирокезов (Рис.2, 3). При этом нередко подчеркивается, что эта конструкция жилищ почему-то является свидетельством наличия материнского рода. Здесь следует пояснить, что все-таки сравнение будет более точным, если вести речь не о классических длинных домах (longhouse) XVII века, описанных Г. Морганом, а о раннем типе таких построек. Такие сооружения имели центральную линию очагов (до 12), скругленные углы, длину свыше 30 м (иногда до 55 м) и стандартную ширину 6-7 м [23], что вполне похоже на костенковские «длинные дома». Как типичный пример подобного сооружения можно привести длинный дом с поселения ирокезов XV века н.э. Дансмор в штате Онтарио (Канада) [24].

Для замкнутых овальных жилых комплексов костенковско-авдеевского и елисеевического типа имеется иная этнографическая аналогия. Это поселения первобытных скотоводов Южной и Восточной Африки.

Восточноафриканские масаи живут в энкангах – округлых поселениях, окруженных труднопреодолимым забором из колючего кустарника (Рис.4). Задача ограды – сделать территорию поселка недоступной как для хищников, так и для чужаков их других общин или племен, особенно ночью. По внутреннему периметру такого забора стоят 10-20 низких и тесных хижин, в которых рослые масаи вынуждены сидеть на корточках или лежать, порой даже не полностью вытянувшись. Хижины каждого поселения образуют замкнутый круг, внутри которого находится общий двор. Их плетут из тонких стволов и прутьев и конопатят свежим навозом, смешанным с мочой, который на солнцепёке твердеет. Интересен тот факт, что старики и взрослые, но еще не женатые мужчины живут в особых хижинах, отличавшихся еще меньшими размерами [25; 26]. Этот факт, между прочим, может заставить иначе взглянуть и на объекты в костенковско-авдеевских комплексах, традиционно именуемые «ямами-хранилищами», поскольку они меньше обычных полуземлянок.

Сходные по устройству поселения, называвшиеся «умузи», а в европейском варианте – «крааль» (из-за функции загона для скота) существовали также у зулусов (Рис.5), хотя хижины-«икукване», как правило, заметно крупнее, чем хижины у масаи, а периметр не только укрепляется плетеной стеной из веток, но и порой и искусственно углублен.

Центральная площадка поселка служит не только загон для скота, но и традиционным местом собраний, танцев и иных общественных действий [27]. В целом сходны с поселками масаи и зулусов краали, сооружаемые кой-койн (готтентотами) (Рис.6) [28].

Рис. 4. Энканг масаи заповедник Нгоронгоро, Танзания (по размещенным в открытом доступе материалам www.google.ru/maps)

У приведенных африканских аналогов замкнутых жилых комплексов палеолита имеются несколько несоответствий. Первое – отсутствие полуземляночных конструкций, их место занимают плетеные хижины. Это легко объяснимо тем, что полуземлянка удобней в плане низкой теплоотдачи в условиях перигляциального климата (в африканской саванне такая задача не стоит в принципе, напротив – сезон дождей заставляет делать жилища исключительно наземными во избежание их затопления). Второе несоответствие – это отсутствие центральной линии очагов, все очаги распределяются по хижинам: внутри или рядом с ними. Это и понятно: у африканских племен центральную площадку занимает скот, однако функцию «общественного места» она при этом сохраняет.

Рис. 5. Зулусский поселок-умузи близ Умлази. Литография, Джордж Френч Ангас, XIX в.

Рис. 6. Крааль кой-койн (готтентотов), по Петеру Кольбу.

Более того, далеко не всегда центральная площадка служит единственно возможным загонем – иногда загон, также огороженный стеной из ветвей колючего кустарника, пристраивается к поселку сбоку. У готтентотов же вообще внутрь загоняется обычно мелкий рогатый скот, тогда как крупный размещается вне поселка. Таким образом, замкнутая планировка поселения сформировалась, по всей видимости, не благодаря развитию скотоводческой деятельности. Как уже говорилось, замкнутая планировка носит защитный характер. Но неужели меньшие опасности со стороны хищников угрожают другим африканским племенам, создающим не замкнутые на себя поселения с открытой

планировкой? Вероятно дело не только во львах, шакалах и гиенах.

Известно, что масаи мигрировали на территорию современных Кении и Танзании примерно в XVI веке из верховьев Нила. В свою очередь предки зулусских племен впервые появились на территории южной Африки около 300 г. н.э., то есть с точки зрения первобытной, а не современной «быстротекущей» истории, весьма недавно. При этом окончательная колонизация ими значительной части южноафриканских территорий произошла лишь к XVIII веку. Таким образом и масаи, и зулусы фактически обитают в настоящее время на территориях, которые в историческом плане являются для них новыми, а не далее, чем 10-14 поколений назад они были на этих землях по сути дела чужаками-первопоселенцами [29; 30]. Значительная часть неоднородного по происхождению населения, называемого ирокезами, также мигрировала, неся свою аграрную культуру и характерную керамику из южных и юго-восточных районов Североамериканского континента, оказавшись в окружении чуждых и по большей части враждебных племен [31]. Именно здесь, на новом месте они начинают строить свои «длинные дома». Да, защищает от внешней опасности в данном случае не только и не столько дом, сколько устанавливавшийся вокруг частокол, однако и само сплочение обитателей в длинных домах у ряда очагов тоже могло быть адаптивным фактором.

Пришлые группы населения испытывают сходные неудобства – опасность со стороны автохтонных племен, со стороны местной фауны, и, наконец, проблемы психологического характера. Жизнь на чужой территории заставляла стремиться к замкнутой, компактной планировке поселения, дававшей не только физическую защиту, но и ощущение надежности, контроля над пространством. «Мой дом – моя крепость», говорят англичане. В данном же случае сакральное пространство дома распространяется на все поселение.

А теперь обратим внимание на особенности инвентаря палеолитических жилищ-поселений. Костенковско-авдеевская культура, оставившая свои следы в виде одноименных жилых комплексов близка порой до тождества по инвентарю к ряду явно однокультурных с ней поселений Центральной Европы – Виллендорф, Краков-Спадзиста и других [32]. При этом нет ни малейшего намека на наличие на Центральноевропейских памятниках жилых структур, в той или иной мере напоминающих окруженный полуземлянками и ямами замкнутый овал с центральной линией очагов. А вот как А.А. Синицын характеризует материалы жилищ-поселений нижнего слоя Костенок 4: «будь они найдены в Аквитании, ни у кого бы не вызвали удивления» [33]. Аналогии настолько яркие, что вряд ли это результат конвергентного развития культур. В нижнем слое Костенок 4 мы имеем дело с типичным памятником классического граветта – культурного явления, распространенного на территории Франции. В Восточной Европе аналогий памятнику нет. При этом среди граветтских памятников юго-запада Франции нет ничего похожего на домостроительство Костенок 4. Налицо еще одно поселение «пришельцев издалёка».

Елисеевичи для большинства палеолитоведов тоже памятник, не укладывающийся в рамки местного «эпиграветта», многие авторы полагают ее и вовсе чуждым культурным явлением для центра Восточной Европы. Обильная своеобразная обработанная кость, нетипичная для синхронных близлежащих стоянок технология обработки бивня [34], наличие реалистичных статуэток женщины и мамонта – все напоминает скорее центральноевропейские памятники. Не случайна, наверное, и конструктивная близость между полуземлянками Елисеевичей и полуземлянкой Павлова – только в Павлове это отдельное элементарное жилище, а в Елисеевичах – уже базовый элемент периметра «жилища-поселения». Культурное своеобразие заставляет считать население стоянки пришлым для центра Восточной Европы, как и население костенковско-авдеевских комплексов, а также нижнего слоя Костенок 4.

Заключение

Итак, основное отличие палеолитических «жилищ-поселений» от поселений эпохи палеолита с открытой планировкой состоит в том, что они оставлены, по всей вероятности, охотничье-собираТЕЛЬскими коллективами, мигрировавшими на восток из Центральной Европы. Похоже, что в сходных ситуациях вырабатывался относительно сходный строительный стереотип, представляющий собой один из адаптивных механизмов самосохранения людей, оказавшихся на просторах неконтролируемых ими только еще осваиваемых пространств. В этом

смысле костенковско-авдеевские комплексы и подобные им объекты – прообраз острогов сибирских землепроходцев и фортов пионеров Северной Америки.

Не исключено, что наличие замкнутых поселенческих структур может свидетельствовать и напрямую о сложных, недружественных отношениях с окружающим автохтонным населением. И все-таки, жилище-поселение как бы замыкающее в себе часть пространства могло быть одним из способов не только защиты от физической опасности, но и (возможно в первую очередь) способом сохранения родового самосознания, культурной идентичности в чужеродной этнокультурной, а может быть и природной среде.

В то же время элементарные жилища на поселениях автохтонных обитателей зачастую расположены так, словно их обитатели воспринимали поселение как часть окружающего мира, а не противопоставляли себя ему.

Примечания:

1. Trigger B.G. The Determinants of Settlement Patterns / B.G. Trigger // *Settlement Archaeology* / edited by K.C. Chang, Palo Alto, California: National Press Books, 1968. pp. 53-78.
2. Борисковский П.И. Палеолит Украины. Историко-археологические очерки / П.И. Борисковский / *Материалы и исследования по археологии СССР* № 40. М. Л.: АН СССР, 1953. 464 с.
3. Sklenár K. Paleolithic and Mezolithic Dwellings: an essay in classification / K. Sklenár // *Pamatky archeologické, LXVII. Praha, 1976. pp.249-340.*
4. Рогачев А.Н. Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе / А.Н. Рогачев. М.: Наука, 1964. (VII Международный Конгресс антропологических и этнографических наук). 12 с.
5. Рогачев А.Н. Палеолитические жилища и поселения / А.Н. Рогачев // *Каменный век на территории СССР / Материалы и исследования по археологии СССР* № 166. М. Л.: Наука, 1970, с. 64-77
6. Беляева В.И. Палеолитическая стоянка Пушкари 1 (характеристика культурного слоя) / В.И. Беляева. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2002. 156 с.
7. Рогачев А.Н. Костенки 4 – поселение древнекаменного века на Дону / А.Н. Рогачев / *Материалы и исследования по археологии СССР* № 39. М. Л.: АН СССР, 1953. 164 с.
8. Чубур А.А. Новая типология палеолитических жилищ Восточной Европы / А.А. Чубур // *Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы XIV международного научного семинара. Омск, 2006. с. 99-102.*
9. Сергин В.Я. Классификация палеолитических поселений с жилищами на территории СССР / В.Я. Сергин // *Советская археология, 1988. № 3. с. 5-20.*
10. Сергин В.Я. О сущности костенковско-авдеевских комплексов / В.Я. Сергин // *Краткие сообщения института археологии АН СССР, вып.189. Каменный век. М.: Наука, 1987. с. 8-13.*
11. Амирханов Х.А. Проблема «палеолитической деревни» костенковской культуры в свете исследований Зарайской стоянки / Х.А. Амирханов, С.Ю. Лев, А.Б. Селезнёв // *Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 211. М.: ИА РАН, 2001. с. 5-16*
12. Ефименко П.П. Костенки 1 / П.П. Ефименко. М.-Л.: АН СССР, 1958. 570 с.
13. Рогачев А.Н. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма / А.Н. Рогачев, М.В. Аникович // *Палеолит СССР (Археология СССР). М.: Наука, 1984. с. 162-271.*
14. Grigor'ev G.P. A new reconstruction of the above-ground dwelling at Kostenki I / G.P. Grigor'ev // *Current Anthropology. Vol.8, № 4 Oct. 1967. pp. 344-349.*
15. Сергин В.Я. Жилища на памятниках «восточного граветта» Русской равнины / В.Я. Сергин // *Восточный граветт. М.: Научный мир, 1998. с.151-176.*
16. Булочникова Е.В. Пространственное распределение обработанной кости и кости со следами использования стоянки Авдеево / Е.В. Булочникова // *Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии (технологический и функциональный аспекты) / Зямятнинский сборник, вып.2. СПб: Наука, 2011. с.48-68.*
17. Львова Э.С. Этнография Африки / Э.С. Львова. – М: Изд-во МГУ, 1984, 248 с.
18. Желтова М.Н. Костенковские стоянки первой надпойменной террасы: варианты адаптации к окружающей среде верхнего плейстоцена / М.Н. Желтова // *Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т.1. Археология.*

Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. СПб: Наука, 2008. с.48-52.

19. Желтова М.Н. Костенки-4: взаиморасположение объектов в пространстве и времени (анализ культурного слоя) / М.Н. Желтова // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009- №2 (38). с. 19-27.

20. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи / А.А. Величко, Л.В. Грехова, Ю.Н. Грибченко, Е.И. Куренкова. М., 1997. 192 с.

21. Поликарпович К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья / К.М. Поликарпович. Минск: Наука и техника. 1968. 204 с.

22. Хлопачев Г.А. Палеолитическая стоянка Елисеевичи 1: результаты полевых исследований 2010–2011 гг. / Г.А. Хлопачев, Ю.Н. Грибченко, Т.В. Сапелко // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб: МАЭ РАН, 2013. с.80-90.

23. Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. / Ю.П. Аверкиева. М.: Наука, 1974. 350 с.

24. Robertson D.A. The Archaeology of the Dunsmore Site: 15th-Century Community Transformations in Southern Ontario / D.A. Robertson, R.F. Williamson // Canadian Journal of Archaeology / Journal Canadien d'Archéologie Vol.27, №1 2003. pp. 1-61.

25. Народы Африки. / Под ред. Д.А. Ольдерогге, И.И. Потехина. М. : АН СССР, 1954. Серия «Народы мира: Этнографические очерки». 732 с.

26. Amin M. The Last of the Maasai / M.Amin, D.Willetts, J.Eames. London: The bodley head, 1987. 192 p.

27. Брайант А. Зулусский народ до прихода европейцев / А. Брайант. М.: Иностранная литература. 436 с.

28. Kolb P. Beschreibung des Vorgebürges der Guten Hoffnung, und derer darauf wohnenden Hottentotten. Worinnen von der natürlichen Beschaffenheit des Landes, von den Gebräuchen der Einwohner, ingleichen von der Einrichtung dasiger Holländischer Colonien zuverlässige Nachricht gegeben wird / P. Kolb. Franckfurt: Monath, 1745. 452 p.

29. Vansina J. New linguistic evidence and The Bantu expansion / J. Vansina // Journal of African history, vol. 36 (1995), pp. 137-195.

30. Iliffe J. Africans: the history of a continent / J. Iliffe. Cambridge: University press, 2007. 367 p.

31. Ramsden P. But once the twain did meet: a speculation about iroquois origins / P. Ramsden // From the Arctic to Avalon: Papers in Honour of Jim Tuck. BAR International Series 1507. Oxford, 2006. pp.27-31.

32. Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. / Г.П. Григорьев. Л.: Наука, 1968. 176 с.

33. Сеницын А.А. «Западный граветт» Восточной Европы / А.А. Сеницын // Восточный граветт. Тез. док. международного коллоквиума. М., 1997. С.61-63

34. Хлопачев Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы / Г.А. Хлопачев. СПб: Наука, 2006. 262 с.

References:

1. Trigger B.G. The Determinants of Settlement Patterns / B.G. Trigger // Settlement Archaeology / edited by K.C. Chang, Palo Alto, California: National Press Books, 1968. pp. 53-78.

2. Boriskovskii P.I. Paleolit Ukrainy. Istoriko-arkheologicheskie ocherki / P.I. Boriskovskii / Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR № 40. M. L.: AN SSSR, 1953. 464 s.

3. Sklenár K. Paleolithic and Mezolithic Dwellings: an essay in classification / K. Sklenár // Pamatky archeologické, LXVII. Praha, 1976. pp.249-340.

4. Rogachev A.N. Paleoliticheskie zhilishcha i poseleniya v Vostochnoi Evrope / A.N. Rogachev. M.: Nauka, 1964. (VII Mezhdunarodnyi Kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk). 12 s.

5. Rogachev A.N. Paleoliticheskie zhilishcha i poseleniya / A.N. Rogachev // Kamennyi vek na territorii SSSR / Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR № 166. M. L.: Nauka, 1970, s. 64-77.

6. Belyaeva V.I. Paleoliticheskaya stoyanka Pushkari 1 (kharakteristika kul'turnogo sloya) /

V.I. Belyaeva. – SPb: Izd-vo SPbGU, 2002. 156 s.

7. Rogachev A.N. Kostenki 4 – poselenie drevnekamennogo veka na Donu / A.N. Rogachev / *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR № 39*. M. L.: AN SSSR, 1953. 164 s.

8. Chubur A.A. Novaya tipologiya paleoliticheskikh zhilishch Vostochnoi Evropy / A.A. Chubur // *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy. Materialy XIV mezhdunarodnogo nauchnogo seminaru*. Omsk, 2006. s. 99-102.

9. Sergin V.Ya. Klassifikatsiya paleoliticheskikh poselenii s zhilishchami na territorii SSSR / V.Ya. Sergin // *Sovetskaya arkheologiya*, 1988. № 3. s. 5-20.

10. Sergin V.Ya. O sushchnosti kostenkovsko-avdeevskikh kompleksov / V.Ya. Sergin // *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii AN SSSR*, vyp.189. Kamennyi vek. M.: Nauka, 1987. s. 8-13.

11. Amirkhanov Kh.A. Problema «paleoliticheskoi derevni» kostenkovskoi kul'tury v svete issledovaniy Zaraiskoi stoyanki / X.A. Amirkhanov, S.Yu. Lev, A.B. Seleznev // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN*. Vyp. 211. M.: IA RAN, 2001. s. 5-16

12. Efimenko P.P. Kostenki 1 / P.P. Efimenko. M.-L.: AN SSSR, 1958. 570 c.

13. Rogachev A.N. Pozdnii paleolit Russkoi ravniny i Kryma / A.N. Rogachev, M.V. Anikovich // *Paleolit SSSR (Arkheologiya SSSR)*. M.: Nauka, 1984. s. 162-271.

14. Grigor'ev G.P. A new reconstruction of the above-ground dwelling at Kostenki I / G.P. Grigor'ev // *Current Anthropology*. Vol.8, № 4 Oct. 1967. pp. 344-349.

15. Sergin V.Ya. Zhilishcha na pamyatnikakh «vostochnogo gravetta» Russkoi ravniny / V.Ya. Sergin // *Vostochnyi gravett*. M.: Nauchnyi mir, 1998. s.151-176.

16. Bulochnikova E.V. Prostranstvennoe raspredelenie obrabotannoi kosti i kosti so sledami ispol'zovaniya stoyanki Avdeevo / E.V. Bulochnikova // *Predmety vooruzheniya i iskusstva iz kosti v drevnikh kul'turakh Severnoi Evrazii (tekhnologicheskii i funktsional'nyi aspekty) / Zamyatninskii sbornik*, vyp.2. SPb: Nauka, 2011. s.48-68.

17. L'vova E.S. Etnografiya Afriki / E.S. L'vova. – M: Izd-vo MGU, 1984, 248 s.

18. Zheltova M.N. Kostenkovskie stoyanki pervoi nadpoimennoi terrasy: varianty adaptatsii k okruzhayushchei srede verkhnego pleistotsena / M.N. Zheltova // *Problemy biologicheskoi i kul'turnoi adaptatsii chelovecheskikh populyatsii*. T.1. Arkheologiya. Adaptatsionnye strategii drevnego naseleniya Severnoi Evrazii: syr'e i priemy obrabotki. – SPb: Nauka, 2008. s. 48-52.

19. Zheltova M.N. Kostenki-4: vzaimoraspolzhenie ob'ektov v prostranstve i vremeni (analiz kul'turnogo sloya) / M.N. Zheltova // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2009. №2 (38). c. 19-27.

20. Pervobytnyi chelovek v ekstremal'nykh usloviyakh sredy. Stoyanka Eliseevichi / A.A. Velichko, L.V. Grekhova, Yu.N. Gribchenko, E.I. Kurenkova. M., 1997. 192 s.

21. Polikarpovich K.M. Paleolit Verkhnego Podneprov'ya / K.M. Polikarpovich. Minsk: Nauka i tekhnika. 1968. 204 s.

22. Khlopachev G.A. Paleoliticheskaya stoyanka Eliseevichi 1: rezul'taty polevykh issledovaniy 2010–2011 gg. / G.A. Khlopachev, Yu.N. Gribchenko, T.V. Sapelko // *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAE RAN v 2012 g. / Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera)*. SPb: MAE RAN, 2013. s. 80-90.

23. Averkieva Yu.P. Indeitsy Severnoi Ameriki. / Yu.P. Averkieva. M.: Nauka, 1974. 350 s.

24. Robertson D.A. The Archaeology of the Dunsmore Site: 15th-Century Community Transformations in Southern Ontario / D.A. Robertson, R.F. Williamson // *Canadian Journal of Archaeology / Journal Canadien d'Archéologie* Vol.27, №1 2003. pp. 1-61.

25. Narody Afriki. / Pod red. D.A. Ol'derogge, I.I. Potekhina. M.: AN SSSR, 1954. Seriya «Narody mira: Etnograficheskie ocherki». 732 s.

26. Amin M. The Last of the Maasai / M. Amin, D. Willetts, J. Eames. London: The bodley head, 1987. 192 p.

27. Braiant A. Zulusskii narod do prikhoda evropeitsev / A. Braiant. M.: Inostrannaya literatura. 436 s.

28. Kolb P. Beschreibung des Vorgebürges der Guten Hoffnung, und derer darauf wohnenden Hottentotten. Worinnen von der natürlichen Beschaffenheit des Landes, von den Gebräuchen der Einwohner, ingleichen von der Einrichtung dasiger Holländischer Colonien zuverlässige Nachricht gegeben wird / P. Kolb. Franckfurt: Monath, 1745. 452 p.

29. Vansina J. New linguistic evidence and The Bantu expansion / J. Vansina // *Journal of*

African history, vol. 36 (1995), pp. 137-195.

30. Iliffe J. Africans: the history of a continent / J. Iliffe. Cambridge: University press, 2007. 367 p.

31. Ramsden P. But once the twain did meet: a speculation about iroquois origins / P. Ramsden // From the Arctic to Avalon: Papers in Honour of Jim Tuck. BAR International Series 1507. Oxford, 2006. pp.27-31.

32. Grigor'ev G.P. Nachalo verkhnego paleolita i proiskhozhdenie Homo sapiens. / G.P. Grigor'ev .L.: Nauka, 1968. 176 s.

33. Sinitsyn A.A. «Zapadni gravett» Vostochnoi Evropy / A.A. Sinitsyn // Vostochnyi gravett. Tez. dok. mezhdunarodnogo kollokviuma. M., 1997. S.61-63

34. Khlopachev G.A. Bivnevye industrii verkhnego paleolita Vostochnoi Evropy / G.A. Khlopachev. SPb: Nauka, 2006. 262 s.

УДК 903.42

Структура поселения в верхнем палеолите как маркер миграций

Артур Артурович Чубур

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Российская Федерация

кандидат исторических наук, доцент

E-mail: fennecfox66@gmail.com

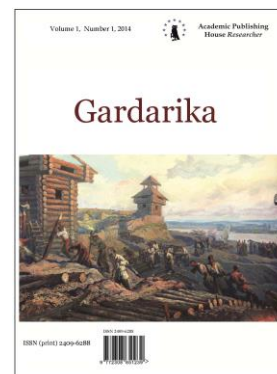
Аннотация. Представлена иерархическая типология палеолитических жилищ. Уровень I: искусственные и природные укрытия. Уровень II: жилища-поселения и элементарные жилища. Уровень III для элементарных жилищ: костно-земляные, с использованием отдельных крупных костей, без использования костей. К жилищам-поселениям относятся Костенковско-Авдеевские комплексы (протяженные объекты с линией очагов, на участке, окруженном ямами и полуземлянками), «протяженных домов» Костенки IV (длительного объекта с линией очагами), жилищем комплекса Елисеевичи (площадка, окруженная полуземлянками). На основании этнографических аналогий из различных точек Земного шара предложена следующая гипотеза, объясняющая феномен «жилищ-поселений». В сходных ситуациях вырабатывался относительно сходный строительный стереотип, представляющий собой один из адаптивных механизмов самосохранения людей, оказавшихся на просторах неконтролируемых ими только еще осваиваемых пространств. Жизнь на чужой территории заставляла стремиться к замкнутой, компактной планировке поселения. Она давала не только физическую защиту, но и ощущение надежности и контроля над пространством. Сакральное пространство дома распространяется на все поселение. Жилища-поселения могут служить маркером не автохтонного населения.

Ключевые слова: верхний палеолит, иерархическая типология, элементарные жилища, жилища-поселения, адаптивные механизмы, маркер миграции.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Gardarika
Has been issued since 2014.
ISSN: 2409-6288
E-ISSN: 2413-7456
Vol. 6, Is. 1, pp. 26-40, 2016

DOI: 10.13187/gard.2016.6.26
www.ejournal26.com

UDC 94(477)

Materials for the History of the Human Settlements of «Baturyn County»: Hamlet (Selo) Obmachev and Township (Mestechko) Novye Mliny*

Preparation to publication, introduction and commentary:
Sergey I. Degtyarev

Sumy State University, Ukraine
Dr (History), Assistant Professor
17 Kominterna St., Sumy 40009
E-mail: starsergo@bigmir.net

Abstract

This work continues the publication of descriptions of human settlements of Baturyn county (uezd) in the Ukraine (Malorossia), which were presented to the last Ukrainian hetman Kirill Razumovsky by Empress Elizabeth (Elizaveta Petrovna) in 1760. The author gives a description of the hamlet (selo) Obmachev and township (mestechko) Novye Mliny. In the preface shows the unknown pages of the history of these settlements.

Keywords: human settlement, hamlet (selo), township (mestechko), Obmachev, Novye Mliny, hetman, Polish-Lithuanian Commonwealth (Rech Pospolitaya) Kirill Razumovsky.

Данная работа продолжает знакомить читателей с описаниями сел и местечек, пожалованных последнему гетману Украины Кириллу Разумовскому императрицей Елизаветой Петровной в 1760 г. Предлагаемый отрывок содержит информацию о селе Обмачев и местечке Новые Млины, которые в это время входили в состав Батуринского уезда [4, л. 128-145об].

Об истории этих поселений известно не так уж и много. Информация о них слишком сильно рассеяна по различным опубликованным и архивным источникам. И, как правило, ее приходится собирать по крупицам. Представляем некоторые эпизоды из истории Обмачева и Новых Млинов.

Село Обмачев (Обмочев) было основано в 1636 г., а название, возможно, происходит от реки Обмачевки – одного из притоков р. Сейм, или озера с таким же названием. Тогда это была территория, принадлежащая Речи Посполитой (Новгород-Северский уезд Черниговского воеводства). По одной из версий коронный канцлер Е. Оссолинский передал это село Крупицкому монастырю (в 1636 г., что и было первым упоминанием его в письменном источнике). Но известный украинский историк А. Лазаревский указывает, что по акту Оссолинского в Обмачеве «были лишь «грунта», принадлежавшие монахам» [5, с. 268]. А в 1658 г. гетман И. Выговский подтвердил своим универсалом право собственности монастыря на этот населенный пункт. В 1659 г. это же сделал гетман Ю. Хмельницкий, а после него – все гетманы «до Самойловича включительно».

В течение 1649-1782 гг. Обмачев входил в состав Батуринской сотни Нежинского полка. В это время село принадлежало Батуриному Николаевскому Крупицкому монастырю, что также подтверждается некоторыми данными из предлагаемого документа.

В 1654 г. в с. Обмачев уже стояла церковь Рождества Богородицы и проживали «козаков – 86 и «мещан» – 94 домохозяев» [5, с. 273]. Поскольку Лазаревский называет 180 владельцев жилых домов, то, вероятно, с учетом семейств этих людей, общее количество населения здесь должно было составлять не менее нескольких сотен человек. Известно также, что в этом же году к присяге на верность российскому царю Алексею Михайловичу было приведено 93 обмачевских мещанина, в числе которых назван и местный войт Е. Богданов, а также 86 казаков во главе с атаманом А. Иначенко [6, с. 815-816].

И. Мазепа отобрал Обмачев у Крупицкого монастыря, устроив там собственный хутор, о чем сказано в его универсале от 14 марта 1708 г. После уничтожения войсками Петра I Батурина в 1709 г. этот хутор стал центром «всех геманских владений, находившихся в пределах Батуринской сотни».

В 1726 г. в Обмачеве показаны 37 дворов служилых казаков, 11 дворов – «тяглых пахотных мужиков», 6 дворов – «непахотных», 16 дворов – «непахотных люзных», 12 неплатных хозяйств (не платили податей), 48 человек «палубщиков» (гетманская прислуга), 21 чел. «волкогонов», 43 чел. подданных Крупицкого монастыря, 21 чел. бывших подданных Мазепы, позже отданных гетманом И. Скоропадским тому же монастырю [5, с. 274-275].

Местечко Новые Млины предположительно возникло в 1630 г. К 1654 г. здесь уже действовали две церкви – Рождества Богородицы и Великомученника Георгия. Обе церкви были деревянными. Сохранились даже имена служащих там в это время священников – в первой – поп Григорий, во второй – поп Игнатий [6, с. 818]. Позже, в 1655 г. российский царь пожаловал этот населенный пункт В. Золотаренко.

В переписных книгах жителей малороссийских городов, которые были приведены к присяге на подданство царю Алексею Михайловичу, составленных в январе 1654 г., было указано, что в местечке Новые Млины такую присягу приняли 575 человек, в числе которых 1 сотник, 1 писарь, 1 есаул, 1 хорунжий, 8 казацких атаманов, 224 казака, 1 земский староста, 2 бурмистра и 337 мещан [7, с. 300].

В январе 1664 г. близ местечка Новые Млины пребывал король Речи Посполитой Ян II Казимир. Это подтверждают материалы следствия о споре монахов Максаковского монастыря с жителями г. Мена за земельные угодья. Доказывая право монахов на спорные земли, некий отец Гугуревич предоставлял «конфирмацию короля Каземера, дня 13 генваря, року 1664, в обозе под Новыми Млынами [составленную]» [2, с. 423].

Осенью 1692 г. в Новых Млинах останавливался и гетман И. Мазепа, о чем упоминается в дипломатических донесениях польского резидента в Москве Е. Довмонта к королю Речи Посполитой Яну III Собесскому. С этого местечка на нужды гетмана вплоть до 1709 г. собиралось по 1 тыс. золотых [2, с. 651, 730]. А осенью 1708 г. близ Новых Млинов находился А. Меншиков, который 26 октября писал Петру I: «... И отъехав полторы мили до местечка Новых Млынов, получили ту ведомость, что уже он, гетман, под Оболюню и Десну переправился» [1, с. 402].

Известно, что новомлиновские мельницы приносили значительный доход в казацкий войсковой скарб (казну). За это гетман Д. Многогрешный освободил здешних мельников от уплаты любых повинностей. В начале XVIII в. за счет Новых Млинов и прилегающих к ним территорий содержалась так называемая «генеральная войсковая музыка» - музыканты, состоящие при гетмане: 5 трубачей, 2 сурмача и 1 довыбш (последний во время походов бил в котлы или литавры, прикрепленные к лошади), которыми заведовал особый атаман.

С 1751 г. местечко Новые Млины были переданы в ранговое владение новоназначенному генеральному обозному Кочубею последним украинским гетманом К. Разумовским. Видимо, местечко не полностью перешло к Кочубею, так как по Румянцевской описи было указано, что здесь во владении Кочубея находился 151 крестьянский двор, а 44 оставались за самим Разумовским [5, с. 292-294].

Приблизительно в то же время, которым датируется представленный нами документ о Новых Млинах, в этом местечке ежегодно собирались четыре ярмарки – «в праздник Богоявления Господня, Св. Великомученника и Победоносца Георгия, Св. Верховных

Апостолов Петра и Павла и на праздник Рождества Богородицы». Каждая ярмарка продолжалась два дня, а торговали на них в основном купцы из близлежащих населенных пунктов – Конотопа, Борзны, Сосницы, Коропа. Продавали они «разные иностранные и русские, незначительные впрочем, товары» [3, с. 556].

Как и в предыдущих публикациях, текст документа подан, с максимальным сохранением пунктуации и орфографии оригинала. Не используются буква «еры», а буква «ять» заменена на современную «е». В кавычках указана нумерация листов оригинального документа. Знаком [...] отмечены места, которые нами не были прочитаны.

(л. 128.)

село Обмачев

Волкогона Ивана Блажка нива, на коей клуня;

двор палубных Максима Гриба и Семена Вертюнникова, на коем строения хат две, комор три, клуня одна, сад с огородом, у Гриба жена Проска, сын Трохим, дочерей две, поля шесть день, сенокосу на четыре косаря, лесок один небольшой, лошадь одна, волов два, Вертюнникова жена Татьяна, сын Зенко, дочерей две;

да того ж двора на части живет Иван Грибенко, у него жена Мотря, дочь одна, лошадь одна, безгрунтовый, на том дворе хата под владением монастыря Крупицкого Батурина; огород палубных Ивана с тремя братьями Куликов, а они особливим двором живут;

на дворе палубных Прокопа и Грицка Кербутов поселились козаки и живут двома хатами, комор две, клунь две, Федор и Кондрат Кухненки, Федорова жена Проска, сын Иван, Кондратова жена Любка, дочь одна, мать их Хима, поля шесть день, сенокосу косарей пять, лошадей двое, волов два;

на против того двора чрез дорогу их же огород;

двор палубных Ивана Кулика и братаничов его Ивана, Мартина и Петра, на нем три хаты, комора одна, клуня одна, огород з садом, Иван удов, дочь одна, братаничовы жены Ивана Водя, дочь одна, Мартинова жена Уляна, дочь одна, поля на один день и пол, сенокосу на два косаря, имеют озеро;

(л. 128об.)

двор Якова, Ивана, Романа и Василя Блажков Вовкогонов з садом и огородом, на коем хата, в ней живет сусед Филипп Богра, жена его Евга, сын Омелко;

у монастырского подданного Фомы Ничоги в лузе Залинским сенокосу на два косаря да у Брисовой могилы поля на два дня;

у козака Федора Мочуленка наполянцы поля треть дня;

двор Волкогонов Ивана, Данила, Тишка, Ивана, Тимоша, Ониска и Адама Блажков, хат сем, комор две, клунь три, сад з огородом, Иванова жена Параска, Данилова жена Гапка, дочь одна, Тишкова жена Мелания, сын Омелко, Иванова Мотря, дочь одна, пасынок его Лаврин, Тимошова Катра, сын Артем, Онискова Уляна, сын Онисим, Адамова жена Анна, во всех их Блажков поля пять день, сенокосу на пять косарей, лошадей четверо, волов три, другой огород помеж огорода Якова, Ивана и Романа Блажков и внизу винокурня о одном котле;

двор Волкогонов Якова, Ивана, Романа и Василя Блажков, на том дворе хат четыре, комор четыре, огород и винокурня Василева на еден котел, у Якова жена Катря, сын Дамиян, Иванова Улияна, сын Иван, Романова Тетияна, у Василя Васка, дочь одна, во всех поля на шесть день, сенокосу на четыре косаря, лошадей четверо, волов четыре, да их же другой огород з садом помеж Хорошков, на коем три клуни;

двор палубных Гаврила Хорошка и братаничей его Марка и Якима, Гаврилова жена Анна, Маркова Зена, мать его Устя, Якимова жена Евга, на том дворе

(л. 129.)

две хаты, клуня одна, огород з садом, во всех их поля а четыре дня, сенокосу косарей на три, лошадь одна, вол один да чрез улицу их же Хорошков огород;

двор Василя Блаженка з садом и огородом, на нем хата, в ней живет сусед Микита Хавеленко, жена его Мелашка, безгрунтовый;

двор вовкогона Павла Скабили, на нем хата и клуня, с огородом, жена его Анна, вол один, поля на два дня, сенокосу на два косаря, лесу на пол дня;

двор волкогона Тишка Цяпуха, на нем четыре хаты, клунь две, комор две, огород з садом, жена его Мотря, сыны Петро и Савко, Петрова жена Одарка, сын Иван, Савчина Домаха, дочь одна, братаничи, Иван, жена его Гапка, дочь одна, да другой братанич Михайло, жена его Евга, дочь одна, поля на шесть день, озеро одно, сенокосу на десять косарей, лошадей трое, волов четыре;

у подданного обозного генерального Кочубея новомлинского Романа Оболонского в Салковом Куту отобрано сенокосу на девять косарей, да у обмочевского козака в Салковом же Куте отобрано сенокосу на два косаря;

да у Семена Фурси отобраного к палчинам поля на три дня, да у Хвиром Куте сенокосу на три косари;

(л. 129об.)

двор прежде бывших палубных Илли, Яремы, Андрея и Федора Орошков, на том дворе четыре хаты, клуня, огород з садами, Иллина жена Мария, сыны Адам, Левко и Апанас, дочь одна, Яремина жена Водя, Андреева Тетяна, сын Яков, Федорова жена Проска, сын Роман, дочерей три, поля на четыре дня;

да того ж двора на части живет хаткою подсоседок у козака Алексея Добренкого Омелко Ленивенко, жена его Мария, дочерей две;

двор палубного Микиты Кислицкого, жена его Параска, сыны Юско и Иван, дочь одна, вол один, огород на том дворе, хата одна, безгрунтовый;

двор удовы палубной Домахи Дирдички, сын Клиим, огород з садом, хата и клуня, у козака обмачевского Трофима Лавриненка подпалчики поля три дня, у Моисея Лавриненка на острове сенокосу на два косаря, под дубиною палчиковского поля три дня, да у ее владении имеется поля на два дня, сенокосу з лозою на два косаря;

двор палубных Якова и Петра Кербутов, у Якова жена Водя, сын Остап, Петрова жена Параска, дочь одна, на том дворе хата, комора, клуня, поля шесть день, сенокосу на три косари, лошадей двое, волов два: да у попового подсоседка Омелка Линивенка, сенокосу на два косаря;

да их же огорд чрез дорогу;

у попового подсоседка Омелка Линивенка задорожних сенокосу на два косари да в отводу поля два дня;

(л. 130.)

двор палубных Дмитра и Ивана Палагненков, на том дворе хата, комор две и клуня, Дмитрова жена Мария, дочь одна, Иванова жена Устя, дочь одна, поля два дня, сенокосу на четыре косаря, лошадь одна, волов два, у обмочевского козака Тимоша Рулича поля один день;

огород вовкогонского Якова Срачки, а он особливим двором живет;

огород вовкогона Семена Пунтуса, а он особливим двором живет;

двор вовкогонов Ивана и Данила Калениченков, огород з садом, на том дворе хат две, клуня одна, Иванова жена Анна, дочь одна, Данилова жена Гапка, сын Кузма, дочь одна, вол один;

двор волкогонов Павла и Михайла Назаренков, они ж и Блажки, на том дворе две хаты, две коиоры, клуня, Павлова жена Оришка, сын Андрей, Михайлова жена Химка, дочь одна, в другой хате подсоседок Степан Скрипченко, жена его Тетяна, поля один день, сенокосу два косари, лошадей двое, волов два, да чрез улицу их же огорд з садом, до того ж огорода часть в пуге;

двор вовкогонов Пархома и Василя Добренких, Пархомова жена Ганна, сыны Тимош и Карп, Василева жена Мотра, мать их Феска, на том дворе шесть хат, комор две, клуня одна, огород з садом, поля шесть день, сенокосу на три косаря, лошадей двое, волов два, браты их в первых Грицко, жена его Водя, сыны Антон и Павел, Иван, жена его Настя, сын один, дочь одна, сосед их Ярема Лосенко, у него жена Одарка, дочь одна, Иван Турупайло, жена его Параска, сын один, дочь одна,

(л. 130об.)

а шестая хата в пусте, поля три дня, сенокосу на два косари, леска часть небольшая;

двор вовкогона Николая Юхименко, жена его Настя, сыны Парфен и Захар, да на том дворе живет Степан Луценко, жена его Хима, имеет винокурню о двух котлах, сенокосу на три косари, лошадь одна, волов два, у Хименка поля четыре дня, сенокосу на шесть косарей, лошадь одна, волов два, корова одна, двор с огородом и садом, хата, комора и клуня; у козаков обмачевских Петра Брагинца, за Линским сенокос на двадцать косарей, леска часть небольшая;

двор вовкогона Трохима Пантуса, у него жена Агафия, сын Стефан, жена его Устя, огород, хата, клуня, поля на дванадцать день, вол один, у козака Петра Брагинца поля на Роздоле полдня, у попового подсоседка Федора Величка поля пол дня, да сним живет пасынок его Андрей Коваленко, жена его Водя, сыны Павел и Игнат, да того ж двора на части живет в одной хате козак Яким Литвиненко, жена его Феска, сыны Семен и Иван;

двор вовкогона Семена Пантуса, у него жена Настя, вол один, имеет озеро, поля один день, сенокосу на одного косаря и пол; у обмачевского козака Павла Добренкого за Грудом поля на один день;

двор палубного Ивана Богомаза, у него сын Каленик, жена его Мотра, сын Кондрат, дочь одна, хата одна, вол один да чрез улицу внизу его ж огород;

(л. 131.)

двор палубного Каленика Подгорного, жена его Мария, сыны Федор и Николай, у Федора жена Ганна, сын Омелко, огород, на нем хата, лошадь одна, вол один;

двор волкогоннов Лукяна Срачки и братаничей два его Якова и Гордея Лукянова, жена Водя, сын Макар, дочерей две, у Якова жена Феска, у Гордея жена Устя, на том дворе две хаты, три коморы, клуня одна, лошадей трое, волов четыре, поля три дня и пол, сенокосу на два косаря;

двор палубного Петра Чайки, жена его Мария, сыны Василь и Иван, дочерей две, поля на девять день, на дворе хата с коморою;

двор вовкогона Юска Величка, жена его Устя, сын Федор, дочь одна;

двор жилой попа обмачевского Иоана Фиялковского;

двор жилой оного попа сына Иоанна;

место палубного Омелка Плюща отобрано от Тарицина;

двор Вовкогона Тараса Шолудка, жена его Химка, сын Иван, лошадь одна, огород з садом, на нем хата, клун, поля на один день, сенокосу на одного косаря, леска часть, у козака обмачевского Ивана Федорца в урочищи в конци отводу поля на один день и пол, у Андрея Добренкого поля треть дня;

двор вовкогона Василя Галагана, жена его Мотря, сын Степан, жена его Устя, в другой хате брат его Семен, жена его Анна, в третьей Грицко, жена его Проска, сын Данило, лошадей трое, волов три;

(л. 131об.)

на том дворе огород и клуня, поля на три дня, сенокосу на два косаря;

двор атамана вовкогонского Тишка Сокура, он же и Блажко, жена его Мотря, сыны Юхим, Павел и Есип, Юхимова жена Домаха, сыны Михайло и Юхим, дочь одна, Павлова жена Варка, на дворе хата, комора, клуня, поля на пять день, сенокосу на семь косарей, лошадей двое, волов два;

дворик его ж Сокура, где винокурня на два котла и комора;

двор вовкогона Ивана Михайленка, жена его Солоха, сын Сидор, огород, хата, клуня, у козаков обмачевских Ивана Федорца под Стенкою поля на три дня, Омелка Линивенка над Кургуном поля на один день, да у Тимофея Гулича в урочище Озера Сполного сенокосу надва косаря;

огород палубного Омелка Плюща, оной [...] и огород под владением Михайла Тарицина;

двор с огородом и садом палубных Лукяна и Василя Кисаицких, кои померли, от козака Алексея Доброго отобран, на нем строения хата з коморою и сенми и один хлев, а он Добрый в особливом козачом двору живет, тот двор округ огорожен, но в нем дубовым

чистоколом да и тому ж двору принадлежащего поля у подсоседка батуринаского монастыря Наума Обмани, у Кропивки, поля два дня;

огород вовкогона Павла Козла, у козака Романа Лавриненка, где и винница з колодезем Лавриненком устроена;

(л. 132.)

на другой части того двора в хате живет подсоседок батуринаского монастыря Герасим Шведенко, жена его Домаха да брат его Федор, жена его Феска, дочь одна, вол один;

да на третьей части того ж двора живет Трохим Козел в козачом звании, жена его Параска, сын Иван, дочерей две, лошадь одна, поля на один день, да часть огорода продал козаку Марку Мачулскому, хата одна, клуня одна;

двор вовкогона Павла Писмака, жена его Феска, сыны Игнат и Ониско, дочерей две, мать его Ювга, поля на три дня, сенокосу на одного косаря, на том дворе хата с коморою и клуня, у козака Ивана Ленивенка сенокосу на три косаря да Игната Добренкого на Поляне поля один день и треть дня;

двор палубных Микиты, Ивана и Грицка Матанов, Микитина жена Водя, сыны Кирило, Михайло, Кирилова жена Марина, анова Тетяна, Грицкова Маруся, сын Михайло, да с ними живет удова Олена, у нее сыны Иван и Лосин, на том дворе четыре хаты и с коморами клуня одна, огород з садом, поля шесть дней, сенокосу на четыре косаря, лошадей двое, волов два;

двор вовкогона Романа Велетенка, жена его Уляна, сыны Грицко и Аврам, дочь одна, на том дворе хата, клуня, огород з садом, лошадь одна, вол один, поля восемь день, сенокосу на три косаря;

двор вовкогонов Давида и Харка Галаганов, Давидова жена Палажка, сыны Иван и Прокоп, Иванова жена Солоха, сыны Назар и Корней, Прокопова Мелаха, жена Харкова Гарпина, сын Илля, поля на четыре дня, сенокосу на два косаря, леска часть, лошадей двое, волов два, на том дворе хат две с коморами, клуня одна, огород;

(л. 132об.)

на том боци реки Сейму двор Грицка Шолудка вовкогона, жена его Палажка, дочерей две, лошадь одна, на том дворе хата, комора, поля на два дня, сенокосу на одного косаря, у подсоседка монастыря батуринаского Захария Кошки за Дорожним сенокосу на три косаря;

да помеж старого попа Иоанна Фиялковского огородчик, на коем клуня его ж Шолудка;

хутор вовкогона Лукяна Срачки, в нем хата, в коей живет Микола Починок, жена его Палажка, безгрунтовый;

близ церкви двор палубного Кирила Поламаренка, жена его Стеха, сын Михайло да с ним живут сестры его Гарпина и Химка, на том дворе хата одна;

двор палубного Стефана Загорулка, жена его Палажка, сын Василь, дочь одна, на том дворе хата с коморою, огород з садом, поля три дня, сенокосу два косаря, у козака Степана Лавриненка зогородцем на Груде поля два дня;

да другой огород чрез улицу, на коем клуня его ж Загорулки, да часть того огорода у козака Тимофея Гулича;

двор палубного Максима Куруса, жена его Мария, сыны Микита, Максим, Андрей и Лукян, дочь одна, безгрунтовый, на том дворе хата одна, лошадь одна, да его ж чрез улицу огород з садом;

двор удовы Кулины Разумки козачки, коей муж был палубный, сын Яким, дочь одна, хата с коморою, клуня, огород з садом, поля на два дня, сенокосу на одного косаря, вол один;

церковь рожества пресвятыя богородицы, близ церкви школа и шпиталь;

хата с огородом брацкая;

(л. 133.)

двор вовкогона Павла Семка, жена его Проска, в другой хате Андрей Шватчиш, жена его Домаха, сыны Тимоха и Антон, Шватчишиного поля у козаков Алексея Добренкого у ярка поля на три дня, у Опанаса Брагинца поля на один день да на Стойках сенокосу на одного косаря;

двор палубных Ивана Корнеенка, жена его Параска, сын Иван, в другой хате брат его Иван, жена его Феска, сыны Михайло и Стефан, дочь одна, лошадей двое, волов два, поля шесть день, сенокосу на четыре косаря, лесное место, а дерево зрубано на кирпич, на том дворе клунь две, комор две, огород з садом;

двор палубный удовы Гапки Кулички, сын Моисей, хата с огородчиком, безгрунтовый; двор, где живал палубный Иван Кухаренко з хатою в пусте, а он сойшол безвестно;

двор палубного Федора Рибанца, жена его Варка, сын Мартин, жена его Устя, на дворе хата с коморою, поля на один день, сенокосу на одного косаря, у козака Андрея Гарска поля на один день;

огород з садом палубных Корнеенков, а они особливим двором живут;

двор палубного Ивана Проценка, живет Павел Бекий ткач, жена его Феска, сын Микита, безгрунтовый, на том дворе хата с коморою, сад з огородом;

двор палубного Самойла Семенченка, жена его Параска, сын Петро, дочь одна, брат его Адам, Адамова жена Катра, огород з садом,

(л. 133об.)

мазка и комор две; лошадь одна, волов два, у козака Зеновия Серееенка за рекою Сеймом по Заиков хутор сенокосу на двадцать косарей;

двор, где живали палубный Иов и Федор Гуцки, на том дворе хата с коморою, винокурня на два котла, огород з садом, в нем живет козак Андрей Гаращенко, жена Мелашка, сыны Есип и Кирило, поля на четыре дня, сенокосу на четыре косаря, лошадей двое;

да на части того грунту живет хатою с коморой Петро Ганниченко, жена его Мотра, сын Василь, дочь одна, безгрунтовый;

двор палубного Максима Крикуненка, жена его Водя, сын Иван, в другой хате живет Иван Хитун, жена его Марина, сын Семен, дочь одна, вол один, безгрунтовый, огород з садом, клуня одна да того ж часть огорода по продаже под монастырем батуринским;

двор палубного Федора Гуцака, жена его Мария, сын Антон, дочь одна, суседка Катря Скалюнка, на том дворе хат две, комора, клуня, огород з садом, поля на три дня;

двор палубного Грицка Заводки, жена его Уляна, сын Петро, дочь одна, браты его Яков и Савка, у Якова жена Маруся, на дворе хат две, комор три, клуня одна, огород з садом, поля тридцать два дня, сенокосу тридцать косарей, лесок на пять день, озеров два, лошадей трое, волов четыре, винокурня на два котла, у козака Алексея Добренкого за дорожным сенокосу на дванадцать косарей;

(л. 134.)

двор палубных Тимоша, Васка и Сидора, Карлаша, жена Тимошова Феска, сыны Вакула и Петро, дочь одна, Карлашова жена Домаха, дочерей две, на том дворе две хаты, огород з садом, безгрунтовые, лошадь одна;

огород з садом Грицка Завадки, в хате живет Петро Дандил, жена его Мотра, сыны Гаврило и Павел, безгрунтовый;

двор палубных Петра, Сезиона и Грицка Прикалобовых, на дворе три части, огород з садом, Петрова жена Катра, сын Аврам, дочь одна, Сезиона Катра, Грицков сын Омелко, Сезионова мать Химка, лошадь одна, волов два, лесок один, Сезионового поля у козака Остапа Кириленка на один день, Иосифа Седуна у Диогтырне поля на один день;

огород палубного Ивана Опешка, а он особливим двором живет;

да того ж огорода часть продал козаку Кондрату Пичоженку, где поселясь двором, на том двору хата, комора, клуня, жена его Гапка, сыны Логин и Савка, Логинова жена Анна, дочь одна, Савчина Устя, сын Кондрат, поля пять день, сенокосу на шесть косарей, волов два;

двор палубных Грицка, Моисея и Тимоша Чорнух, Грицко удов, дочерей две, Моисеева жена Маруся, сынов два, дочь одна, Тимошова жена Гапка, сын Микола, пасынок Александра, хат три, клунь три, огород з садом, поля на пять день, сенокосу на три косаря, да у козаков обмачевских

(л. 134об.)

Моисея Башука за довенем сенокосу на десять косарей, Павла Брагинца подля Коворота поля на три дня, у палучиковского Кондрата Чорнухи поуз Березенский шлях поля на десять дней, у батуринаского значкового товарища Петря Пятковского подля Задубренного озера сенокосу на три косари;

двор палубного атамана Стефана Худка, жена его Одарка, сыны Гаврило и Терешко, дочь одна, хата одна, огород з садком, поля один день, сенокосу на одного косаря, волов два, лошадь одна;

двор прежде бывшего палубного, а ныне козака Аврама Цибайла, жена его Анна, сын Федор, дочерей три, лошадь одна, поля три дня, сенокосу на два косаря, хата, клуня, огород з садом;

двор палубных Кирила, Петра и Михайла Суденков, Кирилова жена Параска, Петрова жена Феска, дочь одна, сын Яким, Михайлова жена Уляна, дочь одна, лошадь одна, волов два, поля на два дня, безгрунтовые, на двору хата, комора, огород;

двор палубных Хомы, Ониска и Савки Басков, на нем три хаты, клуня одна, огород з садом, у Хомы жена Варка, сын Андрей, жена его Уляна, дочерей две, Онискова жена Анна, сын Яков, дочь одна, Савчина Мотра, дочь одна, сын Герасим, лошадей трое, у козаков Степана Онопенка сенокосу на четыре косаря, у Мартина Ткаченка поля на два дня, да у Тимофея Гулича в Купках Чорной лес на пятнадцать день, у козакого подсуседка Мартина Ткача у Дегтярне поля на два дня;

(л. 135.)

двор палубного Ивана Осленка, а он живет особенным двором;

двор палубного Семена Горбашки, жена его Христя, сын Федор, поля два дня, сенокосу два косаря, хата с коморою, огород з садом, у козаков Аврама Хевченка поля в Моровцях на три дня да у Ровцях сенокосу на семь косарей, Иосифа Тимченка у Глиницы поля на два дня;

огород з садом вовкогона Мартина Казая зшедшого безвестно, оплетен плетнем, на коем и клуня, владеет козак Грицко Сорока;

двор прежде бывших палубных, а ныне козаками удовы Олены и Семена Прикалаб, у Олены сыны Демян и Семен, дочь одна, на ом дворе две хаты, безгрунтовые;

двор палубного Андрея Сибера, жена его Анна, сын Семен, на дворе хата одна, две коморы, клуня, огород з садом, лошадей двое, волов два, поля три дня, сенокосу на два косаря;

двор палубного Грицка Сибера, жена его Уляна, сыны Панас и Грицко, дочь одна, Панасова жена Тетяна, сын Сидор, дочь одна, Грицкова жена Проска, дочь одна, да Грицков брат Клим, жена его Гарпина, дочь одна, на том дворе хат две, комора, клуня, огород з садом, лошадей двое, волов два, поля на три дня, сенокосу на два косаря, у козака Андрея Гараска, сенокосу на четыре косаря;

(л. 135об.)

двор палубного Трохима Гнидка кравця, жена его Устя, сын Корней, хата одна с коморою, огород з садом, без грунту;

двор палубного Никиты Ярошенка, жена его Мария, сын Марко, дочь одна, хата, огород з садом, без грунту;

двор палубного Адама Сакадина, жена его Маруся, сын Микита, брат его Леско, жена его Вода, дочь одна, хата одна, огород без грунту;

двор палубных Гаврила, Наума и Мины Дейнеченков, Гаврилова жена Параска, сыны Омелко и Корней, дочерей две, Наумова жена Уляна, сыны Юско, Иван, дочерей две, у Мины жена Проска, дочь одна, лошадей двое, волов два, хат две с коморами, клуня одна, огород з садом, поля на три дня, сенокосу на три косаря, лесовое место, а лес зрубан на цегельню;

двор палубного Дмитра Комеченка, жена его Феска, сыны Дмитро и Алексей, дочерей две, поля три дня, лошадь одна, вол один, у козаков Михайла Федорченка поля на два дня, у Петра Заболотного, поля на пять день, у Тимоша Гулича поля на один день, у обмачевского Петра Сибира на две трети дня;

двор палубного Корнея Нечитайла, жена его Настя, сыны Иван, Грицко и Максим, дочерей две, огород с хатою и коморою, клуня, поля на две трети дня, лошадь одна, вол один, у козака Прокофия Федорца близ шляху Батуринского огород з садом;

двор палубного Мирона Сленка, живет удов, сыны его Иван, Левко и Роман, Иванова жена

(л. 136.)

Проска, сын Алексей, дочерей три, Левкова Хима, дочерей две, Романова Тетяна, дочерей две, хат две, огород з садом, лошадь одна, вол один, поля один день, сенокосу на одного косаря, у козака Данила Вакуленка поля два дня;

двор палубного Ивана Опещенка, жена его Пазка, сыны Иван и Сергей, дочь одна, братья Ивановы Хома, Иванов два, огород з садом, хата с коморою, клуня, лошадь одна, вол один, поля на один день, сенокосу на два косаря;

да того ж двора з садом часть под козаком Кондратом Роговым;

двор палубного Харка Осленка, жена его Водя, с ним живет зять его Трохим Фесенченко, жена его Одарка, хата, клуня, огород з садом, лошадь одна, вол один, безгрунту;

огород вовкогона Тишка Цяпуха и Романа Будля;

двор палубных двух Грицков Северинов, старшой Грицко удов, другого жена Мотра, бездетные, огород з садом, хата, клуня, поля три дня, сенокосу на четыре косаря, волов два;

огород з садом палубных Тараса и Дениса Неюхов под старостою городским Иваном Уражевским;

огород з садом вовкогонов Леска з братьями Вовченков под владением козака Андрея Гараска;

огород з садом палубных Дороша и Мины Гловатских под козаком Костюком Слюзким;

на дворах палубных Ивана Катрича и Ивана Парахненка

(л. 136об.)

живет Иван Иршанов, жена его Мотра, сын Иван, огород з садом, хата з сенми, комор две, лошадь одна, корова одна, без грунту, Катрича сенокосу на пятнадцать косарей, у палчиковского козака Игната Клименка з березовым гаем да поля три дня, у обмачевского Петра Заболонного поля на один день да под Алексеем Добрым поля на два дня, Парахненкового сенокосу на семь косарей у козака Тимоша Гулича;

во дворе палубного Якима Подалки, где жил Юрий Зражевский, живет Тишко Илченко, жена его Параска, огород з садом, хата з коморою, клуня, лошадь одна, без грунту, а Зражевского у батуринского значкового товарища Петра Вятковского близ Осечи сенокосу на шесть косарей Падалки, у козака Тимоша Гулича в урочище Старця поля на шесть день да у Семена Фурси за Быстриком черной лес на пятнадцать день;

двор палубного Стефана Гнидки, жена его Гапка, сыны Иван и Грицко, дочерей три, лошадь одна, хата с коморою, огород з садом, без грунту;

двор палубного Ивана Хмелина, жена его Гапка, сын Федор, без грунту;

двор вовкогона Ивана Тарасенка, жена его Проска, сын Степан, огород з садом, хата, клуня, сенокосу на одного косаря, у козака Павла Алексеенка поля на два дня, у козака Алексея Добренкого под Гнилицею поля на два дня, у подсосудка монастырского Евфима Шведина поля на один день;

огород вовкогона Матвея Тарасенка, кой умер, под владением палубного Степана Гниденка,

(л. 137.)

а он Гниденко особливим двором живет, Тарасенок безгрунтовый был, Тарасенкового у палчиковского козакого подсосудка Семена Веретюника сенокосу на два косари да у попового обмачевского Ивана Фиялковского подсосудка Ивана Линевенка поля на четыре дня;

двор Микиты Кислицкого, кой прежде был палубным, а ныне козаком, жена его Орина, сын Панас, дочь одна, мать его Феска, вол один, без грунту, на том дворе хата, комора, клуня;

двор палубного Тишка Рудка, жена его Мария, сын Моисей, дочь одна, вол один, поля на два дня, сенокосу на два косаря, на дворе хата, комора, клуня да того ж Рудка огород з садом чрез улицу;

двор палубных Ивана, Семена и Мины Руденков, Иванова жена Мотра, сын Иван, дочь одна, Семенова Маруся, сын Тарас, дочь одна, Минина Водя, дочь одна, хат три, клуня, огород з садом, у попа Александра Фиялковского поля на два дня;

огород Матвея Рудка, кой уже умре, под владением старосты городского Ивана Гражевского;

двор палубного Петра Байтана, жена его Тетяна, сын Иван, без грунту;

(л. 137об.)

[эта страница не заполнена текстом – С.Д.]

(л. 138.)

местечко Новые Млины

в дворе живет Иван Гнесин, жена его Татияна, сын Елисей, сад з огородом, на том дворе хат две, комор две, без грунту;

оного ж Голушки огород з садом под владением господина Кочубея подданного Семена Кветочки;

двор мирочника Грицка Усика, жена его Пазка, дочок три, строения хата с комнатою, коморою и огородом, коровок две, без грунту;

двор мирочника Данила Кухаренка, жена его Маринка, сын Федор один, дочь одна, да брат его Федор, жена его Евдокия, дочь одна, хата одна с коморою; да с ними живет тетка их Мария Киянка, корова одна, сенокосу на два косари з лозою;

да через дорогу их другой огород, на коем светлица новая з сенми нежилая;

да третьей огород их же Кухаров;

двор удовы Семенихи Гапки Салейки, у нее дочок две, хата з сенми, огородчик, без грунту;

(л. 138об.)

амбар гетманский, где розсышается розмеровой экономической хлеб, покрыт дранню;

место пустое гетманское мерою;

двор Шафори гребле новомлинской Якова Войцеховича, жена его Евдокия, дочь одна, на дворе светлица з двома комнатами и пекарнею, лиох, амбар, огород, винокурня на два котла, лошадей двое, коров две, без грунту;

дворовое место пустое Максима Циганенка;

двор мирочника Герасима Болобана, жена его Анна, дочок две, мать его Вовдя, хата з коморою, без грунту;

дворовое место с хатою ветхою впусе Петра Ряботького, кои умре, а сенокос на десять косарей з лозою отобран от Алексея Старченка к экономии;

двор с огородом подданного Его Сиятельства Семена Кодица, жена его Васка, сын Андрей, дочь одна, вол один, хата з сенми, коморою, клунею, без грунту;

(л. 139.)

огород Михайла Герасимова сына Скомердянки, жена его Параска, сын его Есип, дочерей две, мать его Ирина, на том огороде хатка ветхая, в коей оные и живут весьма убогие, без грунту;

двор мирочника Петра Баглека, жена его Гарпина, сын Яков, хата с коморою, огород з садом, сенокосу на три косари от попа никольского новомлинского Григория за Дзюбининым ровчаком отобрано к экономии;

постовень Тимоша Чиричатенка мирочника, а он особливым двором живет;

двор атамана мирочницкого Артема Семенюги, он же Скотердюченко, жена его Агафия, дочек четыре, хата с комнатою, коморою и огород, сенокосу на десять косарей, коров две, поставник один;

на том же дворе живет зять его Андрей Безгубой мерочник, жена его Уляна, дочек две, корова одна, хата с комнатою и огород, без грунту;

(л. 139об.)

двор Савки Сердеченка Скотердеченка, жена его Марта, сын Федор, корова одна, хата с коморою, с огородом, без грунту;

двор Андрея Руденка мерочника, жена его Мария, сыны Тимош, Иван, дочка одна, коров две, сенокосу на шесть косарей, хата, комора, с огородом, сенокосу на десять косарей, от головенского козака Грицка Чечела отобран к экономии да у попа новомлинского пречи[...]кого Иоана лесок з сенокосом на два косаря;

двор з огородом и садом мирочника Василя Подвербного, жена его Гарпина, дочек две, корова одна, сенокосу на шесть косарей, хата с коморою;

двор мирочника Павла Багнюка, жена его Улияна, дочь одна, корова одна, хата с коморою, без грунту;

где живал мирочник Никита Скотердюка двор з садом, на нем хата с коморою в пусте, сенокосу на три косари отобрано

(л. 140.)

к экономии от козака Федора Драевского да от Уляны Хорошковны отобрано на четыре косаря;

двор мирочника Герасима Скотердюка, кой соишол под Самойла Гриценка, в пусте, без грунту;

двор з городом, садом удовы Оноприихи Марины Романенчихи, сыны два Иваны, дочь одна, корова одна, сенокосу на шесть косарей, хата с коморою;

двор с огородом мирочника Тимоша Киричатенка, он же и Подвербный, жена его Олена, сыны Есип и Кирило, вол один, корова одна, хата с комнатою и коморою, сенокосу на два косаря, з лозою сенокосу на восемь косарей, у козака сотни Короповской Федора Граевского в Речици;

двор с огородом удовы Тацки Андреихи Кирычатихи, сын Самсон, дочь одна, корова одна да сосед Омелко, жена его Евгения, бездетные, сенокосу на два косаря з лозою, хата з коморкою;

двор з огородом мирочника Илии Подвербного

(л. 140об.)

жена его Катра, сыны Грицко, Пархом и Федор, дочок две, Федоровы жена Феска, хата с коморою, сенокосу на шість косарей, коров две;

двор з городом мирочника Ивана Ачатенка, жена его Мария, сыны Павел, Корней и Яков, дочь одна, корова одна, хата с коморою, сенокосу на четыре косаря;

двор з городом мирочника Яцка Юрченка, жена его Анна, дочек четыре, корова одна, хата з сенми, коморою, без грунту;

двор з городом, хата с коморою Ивана Котка, в коем ныне живет Павел Галка, жена его Адарка, без грунту;

двор неогорожен, на нем хата с коморою мерочника Михайла Андреевка, жена его Мария, дочек две, сенокосу на шесть косарей, корова одна;

двор з городом Павлихи Нате Алезивенковой, сыне ее Стефан, Зенко, у Степана жена Проска, сын Антон, дочь одна, Зенко удов, хата с коморою, корова одна, без грунту;

(л. 141.)

двор Грицка Тцкого умершого, на оном хата с коморою и огород, на нем живут Гордей Сливка, жена его Хима, Иван Губа, жена его Наталка, сыны Ничипор и Сергей, дочь одна, корова одна, у бунчукового товарища Якова Троцкого сенокос на шесть косарей за Винкою, Григория и Остапа Туцких у бунчукового товарища Григория Троцкого на Сейму перекопы Задниной Камень, да у ротмистрихи Фоноасовой коло у передней Клетцы средней камень;

у новомлинского Семена Халимоненка сенокосу на двенадцать косарей над Зебиным ровчаком;

мельницы

клетка гетманская на перекопи передняя о трех колах мучных;

клетка о трех колах господина обозного генералного Кочубея, с коих никакой части не взималось;

гетманская клетка о трех мучных колах, с коих едно передное коло отдано 1758 году за силу ордера экономической канцелярии хоружому сотенному новомлинскому Андрею Захарченку;

(л. 141об.)

за ровчак тот, что поуз фабрику идет пустой за то, что якобы тот ровчак, на коем и мельница была издревле козакой, а по сознатке старожилов оный ровчак был во владении посполитого Ивана Горкавенка, а его сыны Гаврило и Кирило Горкавенки в недавних годах тот ровчак з сенокосом на двадцать косарей продали прописанному Захарченку, и к тому сенокосу Захарченку занял еще волного места, где и сено косится на двонадцать косарей;

клетка о пяти мучных колах владельцев Лукяна Самойловича «2», Якова Троцкого «1», монастыря дивичого новомлиского «1», Григория Троцкого, тот что вышеупомянут был мерочника Глуцкого, от Самойловича и Якова Троцкого к экономии взимается розмеру две части, а у монастырского невзимается, з Григориевого ж Троцкого кола взимается на мистирь нежинский Благовещенский две части;

клетка о шести мучных колах бунчукового товарища Андрея Войцеховича з двох к экономии берется две части, а з долничого невзимается, пятое Якова Троцкого, шестое

(л. 142.)

козачки Андреихи Дмитрихи, з оных двох кол взимается к экономии гетманской две части;

клетка одвох колах Андрея Войцеховича, с коих две части доходу взимается к экономии гетманской;

двор з садом, огородом, хата с коморою, в нем живет удова Анна Довгоручиха, у нее зять Федор Светличный удов, коров две, без грунту;

двор, где жил Данило Менчук змершой, в нем живет Захарко Крупеня, жена его Евдокия, сын Марко, корова 1, без грунту;

где живали Феско Роденко, Иван ненко, Кирило и Данило Горкавенки, огородные места в пусте мерою, Горкавенков Камень под аб щитованным бунчуковым товарищем Иваном Шишкевичом, а другой камень, кой был под хоружим Захарченком отобран к экономии гетманской;

да тих пляцов на части поселился хатою Федор Сотко, кой умре, жена его Вовдя, дочек 2, без грунту;

двор умершой вдовы Туцкой посполитой, а как ее имя старожилы не помнят;

(л. 142об.)

и оной Туцкой два кола мучных и третое ступное под владением монастыря Благовещенского нежинского и с тих кол никакой части к экономии гетманской не собирается, а мерою двор;

сенокосу на шесть косарей у бунчукового товарища Якова Троцкого за венною;

постовник з сенокосом Савки Омелченка посполитого, кой был во владении господина обозного Кочубея подданного Артема Тиховского отобран к экономии гетманской;

пастовень з сенокосом и огородом Кирила и Данила Горкавенков отобран от хоружого Захарченка, на нем хата, в ней живет Евфим Шаповал, жена Евфросиния, сыны Улас, Терешко, дочек две, корова одна, да с ним живет Яцко Белиц, жена его Феска, сын Федор, корова 1, Горкавенкового сенокосу на двадцать косарей, у значкового товарища Никифора Стахевича лес отобран к экономии на десять день;

в деревне Ко стерева огород мерочника Федора Сотка, где он живал в пусте, отобрано из под владения полковника компанейского Игната Чоснока мерою;

у него Чоснока сенокосу на три косаря

(л. 143.)

и леса на три дня да у значковой товарищкы Кирилихи Гриценковой сенокосу на одного косаря;

Сотко ж живал в Новых Млинах, где ныне по смерти его живет жена его, две клетки на Сейму о четырех колах ротмистровой Фойлосихи, с коих никакой части к экономии

гетманской не собирается, а прежде сего собирався розмеровой доход и те мелницы прежде были полковника нежинского Толстого;

клетка о трех колах Демяна Иващенко «1», другая Саввы Рогозинского, третье Кирилы Забелы, и с оных две части взимается к экономии гетманской;

клетка о шести колах, три кола Лукьяна Самойловича, два Киево Печерского мистиря, шестое Максима Ложченка, и с оных кол по две части розмеру к экономии гетманской берется;

клетка о шести колах бунчукового товарища Андрея Войцеховича два, с оных части не берутся, Федора Троцкого 1, Василя Стеценка 1, Якова Троцкого 1, сотницкого Зосима Лисянского 1, с оных собирается две части к экономии гетманской;

(л. 143об.)

клетка о три кола Василя Дроздовского 1, ротмистрихи Фонлосовой 1, а третье посполитское Туцкое, как выше означенно под владением Фонлосовой, а две части к экономии гетманской з Дроздовского кола только берется;

двор Герасима Кривенка, удов, дочь 1, хата одна, сенокосу на три косаря;

а другой пляц у войскового товарища Стефана Михайловского мерою;

двор удовы Олены Очатенковой, сыны Федор Каленик, хата с коморою, без грунту;

двор Василя Бойченка, жена его Маря, дочек 2, корова 1, сенокосу на четыре косаря з леском, хата с коморою;

двор Моисея Голуба, жена его Феска, сыны Ермола и Василь, корова одна, без грунту, хата с коморою и огородчик;

огород хата в пуге Кондрата Коривенка змершого, без грунту;

двор Матвея Мартишевского, жена его Феска, сыны Грицко, Семен, корова одна, хата с коморою, без грунту, а лесок близ фабрики отобран к экономии от сотенного хоружого Захарченка;

двор Алексея Мартишевского, жена его Мотра, сын Василь, дочок три, корова «2», сенокосу на четыре косаря, лес Горгаценков

(л. 144.)

отобран к экономии от Грицка Ставецкого на три дня;

двор шинкаря Фомы Чирвы, жена его Вовдя, хата с коморою без грунту;

двор Кирила Голуба, жена его Анна, сыны Демко, Герасим, Павел, Федор, дочек три, хата с коморою, сенокосу на три косаря;

двор Леска Мелаха, жена его Гапка, сын Герасим, корова 1, сенокосу на шесть косарей, хата с коморою, огород;

двор Ивана Романенка, он же и Шульженко, жена его Уляна, сын Роман, хата с коморою, корова одна, сенокосу на три косаря;

двор Моисея Романенка, жена его Хима, дочь 1, хата с коморою, без грунту;

двор Тимоша Лешченка, жена его Вовдя, сыны Кондрат, Клим, дочь 1, хата 1, корова 1, без грунту;

двор Кирила Голубенка, жена его Проска, сыны Петро, дочь одна, корова одна, хата с коморою, без грунту;

двор Федора Ничипоренка, он же и Солениченко, жена его Феска, сын Грицко, дочек 2, хата с коморою, коров 1/ хата с коморою коров две :/ сенокосу на чотыре косаря;

(л. 144об.)

на том же дворе живет брат его Максим Ничипоренко, жена его Гапка, сыны Демян, Евфим, хата, комор две, коров две, сенокосу на 14 косарей;

где живал Моисей Христич дворовое место в пуге;

двор Грыцка Стокоза, жена его Настя, сыны Иваны, Иван и Андрей, дочек 2, корова 1 и сенокосу на чотыре косаря, хата с коморою;

место пугое Тимоша Юрченка умершого;

дворовое место Ивана Губы, где и комора в пуге;

он Губа особливим двором живет;

огород Павла Алексеенка во владении попадьи Любарской;

двор Николая Николаева, жена его Мелашка, сыны Иван, Яков, дочь 1, сенокосу на 30 косарей з лесками;

хутор з гаем и поля на 25 дней, сенокосу на 70 косарей, у ротмистрихи Фонлосовой, у обозного господина Кочубея подданных Стефана Кузомцы на три косаря з леском, у Данила Кодинца на три косаря з леском, на дворе светлица з двома комнатами и пекарнею, два амбара, хат нежилых две;

(л. 145.)

винокурня на один котел и пустая баня, лошадей 2, корова 1, да у сотницкого Омеляна Лисянского, сенокос з леском, где и живет, и его ж Николаева на месте четыре коморы о четырех окнах да петля шинковая, его ж Николаева огород с поставником.

(л. 145об.)

[эта страница не заполнена текстом – С.Д.]

*Работа выполнена в рамках фундаментального исследования №15.01.10-01.15/17.3Ф «Историческое развитие пограничья Северо-Восточной Украины как способ конструирования общенациональной модели исторической памяти».

Примечания:

1. Військові кампанії доби Івана Мазепи в документах / Упоряд. С. Павленко. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009. 1054 с.

2. Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упоряд.: С.О. Павленко. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. 1144 с.

3. Китченко. О торговле и торговых пунктах в Малороссии – за сто лет назад // Черниговские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. №50. 1852. С.555-557.

4. Конотопский краеведческий музей им. А.М. Лазаревского. №ПП-I-72. 160 л.

5. Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Том второй. Полк Нежинский. Киев: Типография К.Н. Милевского, 1893. 521+XXV с.

6. Описание малороссийских городов, местечек и сел Белоцерковского и Нежинского полков, с переписью жителей, приведенных к присяге на верность царю Алексею Михайловичу // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том десятый (Дополнение к III тому). СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1878. С. 781-838.

7. Переписные книги приведенных к присяге на подданство царю Алексею Михайловичу жителей малороссийских городов // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том десятый (Дополнение к III тому). СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1878. С. 291-306.

References:

1. Viys'kovi kampaniyi doby Ivana Mazepy v dokumentakh / Uporyad. S. Pavlenko. Kyiv: Vyd. dim «Kyuevo-Mohylyans'ka akademiya», 2009. 1054 s.

2. Doba het'mana Ivana Mazepy v dokumentakh / Uporyad.: S.O. Pavlenko. Kyiv: Vyd. dim «Kyuevo-Mohylyans'ka akademiya», 2007. 1144 s.

3. Kitchenko. O trgovle i trgovykh punktakh v Malorossii – za sto let nazad // Chernigovskie gubernskie vedomosti. Otdel vtoroy. Chast' neoffitsial'naya. №50. 1852. S. 555-557.

4. Konotopskiy kraevedcheskiy muzey im. A.M. Lazarevskogo. №PP-I-72. 160 l.

5. Lazarevskiy A. Opisanie staroy Malorossii. Materialy dlya istorii zaseleniya, zemlevladeniya i upravleniya. Tom vtoroy. Polk Nezhinskiy. Kiev: Tipografiya K.N. Milevskogo, 1893. 521+XXV s.

6. Opisanie malorossiyskikh gorodov, mestechek i sel Belotserkovskogo i Nezhinskogo polkov, s perepis'yu zhiteley, privedennykh k prisyage na vernost' tsaryu Alekseyu Mikhaylovichu // Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoyu komissieyu. Tom desyatyy (Dopolnenie k III tomu). SPb.: Tipografiya brat. Panteleevykh, 1878. S. 781-838.

7. Perepisnye knigi privedennykh k prisvyage na poddanstvo tsaryu Alekseyu Mikhaylovichu zhiteley malorossiyskikh gorodov // Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu. Tom desyatyy (Dopolnenie k III tomu). SPb.: Tipografiya brat. Panteleevykh, 1878. S. 291-306.

УДК 94(477)

**Материалы для истории населенных пунктов «Батуринского уезда»:
село Обмачев и местечко Новые Млины**

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии:
Сергей Иванович Дегтярев

Сумский государственный университет, Украина
Доктор исторических наук, доцент
г. Сумы, ул. Коминтерна, 17, 40009
E-mail: starsergo@bigmir.net

Аннотация. Данная работа продолжает публикацию описаний населенных пунктов Батуринского уезда в Малороссии, подаренных последнему украинскому гетману Кириллу Разумовскому императрицей Елизаветой Петровной в 1760 году. Автор приводит описи села Обмачев и местечка Новые Млины. В предисловии освещены малоизвестные страницы истории этих населенных пунктов.

Ключевые слова: населенный пункт, село, местечко, Обмачев, Новые Млины, гетман, Речь Посполитая, Кирилл Разумовский.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Gardarika

Has been issued since 2014.

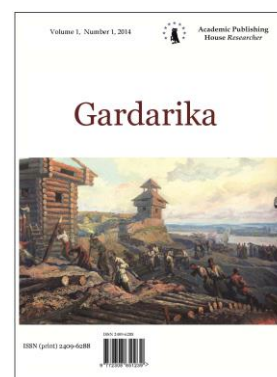
ISSN: 2409-6288

E-ISSN: 2413-7456

Vol. 6, Is. 1, pp. 41-52, 2016

DOI: 10.13187/gard.2016.6.41

www.ejournal26.com

UDC 338.244.2"1974-1985"(470.41)

Socialist Competitions in Culture (on Materials of Naberezhnye Chelny in 1974-1985)

¹Timur A. Magsumov

²Gleb O. Kovzik

¹International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

¹⁻²Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Russian Federation

¹PhD (History), Associate Professor

²Student of historical and geographical faculty

¹E-mail: nabonid1@yandex.ru

²E-mail: chaes2@mail.ru

Abstract

In article the purposes, essence and manifestations of socialist competitions in the field of culture of an era of "stagnation" are revealed. The city of Naberezhnye Chelny in 1974-1985 becomes the focus of research. Article is under construction on the basis of the standard and legal, newspaper and office work materials extracted from city archive and for the first time introduced for scientific use. Local sociohistorical conditions of the city have generated special attention of local authorities to the sphere of culture. Therefore authors focus important attention on feature of carrying out socialist competitions in focus of the city-forming enterprise under construction KAMAZ and the cities. Authors point to undoubted quantitative progress in carrying out a number of actions in the field of culture. In article the obvious problems which are shown in lack of a variety of forms of competitions, "flight behind figures", poor quality of service of the population reveal. In the conditions of quickly growing young city it became one of the most important factors of destabilization of sociocultural climate in Post-Soviet time.

Keywords: socialist competition, culture, history, Naberezhnye Chelny, USSR.

Введение

Мероприятия социалистических соревнований и обязательств в СССР являли собой массовое движение за повышение производительности труда во всех сферах деятельности, и, в отличие от конкуренции с ее пропагандой индивидуализма, должны были основываться на отношениях сотрудничества и взаимной помощи (Горбачева 2008: 146). В период зрелого социализма они преследовали цель стимулировать командно-административную экономику и тонизировать советское общество, отделившееся «умом и духом» от выхолащенной партийной идеологии. В последнем случае приведение в оптимистически-настроенный порядок велось в том числе через усиление культурно-массового досуга населения.

Проводившиеся в период приблизительно с 1974 по 1985 гг. соцсоревнования учреждений культуры Набережных Челнов запечатлели в себе картину духовной среды советского общества.

Соцсоревнования проводились разными государственными и общественными

учреждениями города, который получил мощный импульс развития после начала строительства в 1969 г. Камского автомобильного завода. Этот аспект часто упоминается в сощобязательствах, прямо диктуется требование всеми формами и средствами воспитательной и культурно-массовой работы оказывать активную помощь строителям автогиганта, рапортуется о значительной работе, проведенной по совершенствованию культурно-массового обслуживания и просветительского досуга трудящихся города и КамАЗа (Справка о культурном обслуживании 1973: 1; Социалистические обязательства 1977: 11).

Набережночелнинский отдел культуры был организован в конце 1971 г. (согласно другим данным – в 1972 г.). В числе основных задач отдела было «повышение роли культурно-просветительских учреждений в идейно-эстетическом воспитании трудящихся и молодежи города и района». Он же, наряду с различными подразделениями КамАЗа, стал основным проводником социалистических соревнований в городе.

Материалы и методы

Необходимость определения целей и планов работы и одновременного их сопоставления с полученными результатами определили в качестве базовых источников выступления руководителей страны по вопросам социалистического соревнования, социалистические обязательства работников и учреждений культуры и различные виды отчетной документации в виде справок, информации о состоянии и т.п. Документы соцсоревнований городских учреждений культуры, сохранившиеся в городском архиве, берут отсчет с 1974 г., и оканчиваются в 1987 г. Однако наличествуют и пробелы: так, в 1976, 1984 и 1986 гг. по неизвестным нам причинам материалы соцсоревнований не сохранились. В материалах можно встретить и скрещивание с информацией о соцсоревнованиях, проводимых не в органах культуры, а, например, коллективом градообразующего предприятия КамАЗ или рабочими и строителями города в целом, как мы видим в документе «Социалистические обязательства библиотечных работников города на 1977 год» (Социалистические обязательства 1977: 2). Такие упоминания в источнике несут по большей части для исследователя скорее вторичный информационный вес.

Проблематика статьи, вкупе с обусловленной ею источниковой базой, определили в качестве базы методологического построения работы макроаналитический метод. При необходимости углубления в изучении отдельных направлений социалистических соревнований или деятельности конкретных учреждений применялись техники сочетания макро и микроподходов. Системный подход и структурно-функциональный анализ позволили нам расчлнить работу учреждений культуры города в области социалистических соревнований на крупные направления этой деятельности, вычлнить их взаимосвязь, взаимно и созависимость от детерминирующих их политических, социальных и экономических реалий СССР и локальной специфики города. Потребность в вычлнении общего и единичного в социалистических соревнованиях внутри учреждений культуры города и в исторической динамике обусловили в качестве главенствующего историко-сравнительный метод.

Обсуждение проблемы

Историография социалистического соревнования насчитывает большое количество работ, изданных в советское время. Этой проблемой в разных ракурсах занимался широкий круг обществоведов – историков, экономистов, социологов, философов. В 1960-е гг. начинается создание обобщающих работ по истории соцсоревнований за все годы советской власти локального и общесоюзного значения. На рубеже 1960-1970-х гг. начинается перенос основного внимания на изучение истории соревнования в послевоенный период и прежде всего в условиях развитого социализма. В 1970-е гг. стали появляться коллективные труды обществоведов разных специальностей, обеспечившие начало междисциплинарного исследования этой темы. Н.Б. Лебедева определила в качестве основных исследовательских аспектов изучения этой темы теоретический и конкретно-исторический. «В теоретическом плане изучаются вопросы о сущности соревнования, его функциях, эффективности, периодизации, тенденциях дальнейшего совершенствования. Ведется также углубленная разработка ленинского учения о соревновании, исследуется развитие теории

социалистического соревнования в документах КПСС.

В конкретно-исторических трудах, а их большинство, главное внимание уделяется возникновению и развитию починов и форм соревнования, а также форм и методов руководства соревнованием со стороны партии и профсоюзов. В то же время в последние годы все чаще появляются работы, соединяющие в себе оба эти аспекта» (Лебедева 1976: 37). Вполне естественно, что подавляющее число исследований было посвящено истории соцсоревнований в сфере материального производства, особенно – в промышленности, в меньшей степени – в сельском хозяйстве, на строительстве и транспорте. Соревнования в сферах культуры и обслуживания остались вне поля зрения исследователей. В новейшей отечественной историографии эта тема, вследствие потери актуальности в новых экономических и политических реалиях, практически «выпала» из фокуса исследовательского интереса, находя отражение лишь в обобщающих трудах по советской истории.

Результаты

Вопросы о том, как и в какой форме культурно обслуживать городское население, следует относить к важнейшим задачам не только Отдела культуры исполкома, но и партии вообще. Так, исходя из данных в информационной справке Отдела культуры о состоянии и развитии художественной самодеятельности в городе за 1982 г. явственно прослеживается зримое административное присутствие компартии в культурно-идеологической работе местных культурно-просветительских учреждений. «При горкоме КПСС, – говорится в справке, – был создан штаб культуры, куда вошли все специалисты клубной работы, партийные, советские, профсоюзные, комсомольские работники. Штаб объединял все силы, давал главные направления, рассматривал вопросы кадров (все работники культуры, приезжающие на КамАЗ, проходили через него), заслушивал информации о делах на местах. Ежегодно проводились и проводятся собрания актива работников культуры и искусства, где утверждаются комплексные планы работы культурно-просветительских учреждений и социалистические обязательства за последующие года» (Информация о состоянии 1982: 2-3).

Вообще, идеологическая составляющая была неотъемлемой частью соцсоревнований, что особенно усиливалось социально-историческими условиями города Набережные Челны. В информационной справке городского Отдела культуры за 1976-1978 гг. прямо указывается на тот факт, что «культурное обслуживание рабочих и строителей КамАЗа стало составной частью идеологической работы» (Справка о состоянии 1976-1978: 2). Далее говорится, что это «способствует идейному обогащению молодежи, формированию у неё высоких нравственных качеств, сплочению и укреплению трудовых коллективов». Собственно говоря, особое внимание работников культуры города было обращено на молодежь, составлявшую главную особенность г. Набережные Челны: средний возраст городского населения был 23,5 года, а юноши и девушки принадлежали к ведущей силе на строительных площадках (Справка о культурном обслуживании 1973: 1).

В этой связи нужно сказать, что культпросветучреждения рассматривались компартией в качестве одного из проводников генеральной линии и идеологических установок в жизнь советского общества. Соответственно, воспитательный момент в строящемся молодом городе находился под неусыпным контролем, обнаружить следы которого можно в справке о работе отдела культуры горисполкома за 1979 г., где упоминается о принятии и обсуждении ряда документов Советом отдела культуры за тот год. В их числе – «О роли учреждений культуры города по выполнению постановлений ЦК КПСС и СМ СССР “О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения”», «О работе городских библиотек по выполнению постановления ЦК КПСС “О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе”» и другие (Справка о работе 1979: 1).

Имело место быть заключение договоров о соревновании и творческом содружестве между организациями и коллективами города или региона (Документы по организации 1974: 25).

Специфика соцсоревнований и соцобязательств в культурно-массовой области в отличие от аналогичных мероприятий в добывающей промышленности заключалась в

следующем. В производственной деятельности сообразительств выражались в получении более высоких производительных результатах и экономном использовании выделенных средств и ресурсов, и успехи последних достаточно легко проследить в статистике. Сообразительства в культурно-массовой области направлены на достижения таких результатов, которые легко обнаружить в количественном отношении, но практически невозможно проследить в качественном.

Схожими чертами в проводившихся сосоревнованиях являлись основополагающие принципы, данные еще В.И. Лениным в статье «Как организовать соревнование» (1917). Среди них: гласность, сравнимость результатов и возможность повторения опыта (Ленин 1929). В практике организации сосоревнований имелись и схожие пороки: формализм, бюрократизм, бумаготворчество (Синдянкина 2012: 150).

При исследовании культуры Набережных Челнов необходимо помнить также о юности города, который получил свой статус в 1930 г., и его резком, даже взрывном росте вследствие начала строительства КамАЗа. Отсюда становятся понятны незрелость городской культуры и невозможность дать качественно разнообразные услуги населению ввиду слаборазвитой городской инфраструктуры. Заметна узость спектра проводимых городскими учреждениями культурных мероприятий. Например, библиотечные работники в своих сообразительствах брали на себя ответственность увеличить книговыдачу и/или число читателей, пользующихся библиотеками (Справка о культурном обслуживании 1973: 7). Детские музыкальные школы (далее ДМШ) обязывались увеличить количество учащихся или подготовить ряд мероприятий, как сделала ДМШ № 3 в 60-летний юбилей образования СССР (Социалистические обязательства 1983). Принцип коллективной ответственности работники пытались повысить за счет индивидуальных творческих планов (Социалистические обязательства 1983: 11).

В документах часто наблюдается привязка сосоревнований культурных учреждений города к строительству КамАЗа. Проявлялось, это, например, в организации школ коммунистического труда (далее – ШКТ), которые существовали на базе Камского объединения заводов. Так, в период 1976-1977 гг. работало 243 такие школы с охватом слушателей в 3 800 человек (Материалы по организации 1978). Цель этих школ заключалась в распространении передового производственного опыта, пропаганде политических и экономических знаний и коммунистическом воспитании молодежи, в том числе вовлечении трудящихся в движение за коммунистическое отношение к труду и воспитание высокой трудовой дисциплины. Интересно то, что в ШКТ существовала проблема с обеспечением необходимых для ведения обучения технических средств обучения: «В городе Набережные Челны невозможно купить плакаты, альбомы, фильмоскопы, эпидиоскопы для пропагандистов» (Материалы по организации 1978: 14).

Один из главных способов участия в сосоревнованиях – повышение количественных показателей работы. В 1970-е гг. «перевыполнение производственных планов, причем главным образом по количественным показателям» как форма сосоревнований в силу советской традиции хоть как-то удовлетворяло властные структуры. Впрочем, и сами органы управления культурой, следуя официальным постановлениям, сосредотачивали главное внимание на количественных показателях – «повышении эффективности и культуры труда работников всех отраслей непродуцированной сферы, расширении объемов и видов услуг, внедрении прогрессивных форм обслуживания населения» (О Всесоюзном социалистическом соревновании 1976). Однако уже к 1980-м гг. была поставлена четкая задача «сосредоточить теперь главное внимание на таких целях соревнования, как повышение качества продукции, улучшение использования производственных мощностей, сырья, энергии, рабочего времени. И, конечно, разумная экономия, экономия на всем – от тонны металла до килограмма хлеба» (Андропов 1983: 9). Поэтому в сфере культуры помимо расширения объемов и видов услуг, внедрения прогрессивных форм стало требоваться и «повышение качества и культуры обслуживания населения» (О Всесоюзном социалистическом соревновании 1981).

Проследим на примере учреждений культуры города развитие сосоревнований в период зрелого социализма в СССР.

В 1974 г. работники культуры и искусства (профсоюзных, государственных и сельских культпросветучреждений) приняли ряд обязательств, таких как открытие новой

музыкальной школы № 4, новых эстрадных и танцевальных площадок, полное обеспечение необходимым инвентарем Домов и Дворцов культуры, клубов и красных уголков предприятий и общежитий (Документы по организации 1974: 2). Планировалось создать на подведомственной территории 20 хоровых коллективов, 15 вокальных и 10 танцевальных и др. (Документы по организации 1974: 3).

Интересным является факт обязательства проведения цикла тематических вечеров, например «Ты участник всесоюзной комсомольской стройки». Другой пример – решение улучшить культурное обслуживание рабочих и строителей КамАЗа на базах отдыха – также отражает стремление Отдела культуры решить стоящие перед ними серьезные задачи на «культурно-просветительском фронте» (Документы по организации 1974: 4).

В 1975 г. мероприятия культпросветработников изменились под влиянием празднования 30-летия победы СССР в ВОВ и местного конкурса художественной самодеятельности. В планах было создание пяти духовых оркестров, 14 агитбригад, 20 хоровых коллективов, улучшить содержание работы библиотек и провести 30 тематических и 20 литературно-музыкальных вечеров (Документы по организации 1975). В ДМШ № 2, помимо общепринятых идеолого-пропагандистских обязательств, было принято решение дать не менее 36 концертов и лекций-концертов силами учеников и учителей (Документы по организации 1975: 4).

В 1977 г. ДМШ № 2 приняла аналогичные условия проведения концертов и лекций-концертов, а также обязалась открыть свой филиал в совхозе «Гигант» Тукаевского района (Социалистические обязательства 1977: 6-7). ДМШ № 5 в том же году предполагала устроить не менее девяти вечеров и 36 концертов, укрепить потенциал трудового коллектива и улучшить культурное обслуживание.

В 1978 г. работники культуры и искусства г. Набережные Челны вновь выделили социалистический фронт работ, опираясь на показатели предыдущего года. Так, за обязательство установили борьбу за повышение активности работы в библиотеках, увеличение числа читателей по сравнению с 1977 г. на 10 тысяч человек, посещаемости Парка культуры – на 15 тысяч (Материалы по организации 1978: 2). Кроме того, работники закрепили обязательное количество молодежных кружков самодеятельности: шесть народных, 41 хоровой и 27 танцевальных коллективов, 23 агитбригады, 11 духовых оркестров и др. В 1979 г. данные цифры в отношении кружков самодеятельности не изменились, но предполагалось увеличить число читателей в библиотеках по сравнению с 1978 г. еще на 10 тысяч человек (Социалистические обязательства 1979: 2).

В сообязательствах, принятых на общем собрании работников культуры и искусства г. Набережные Челны за 1981 г., имеются такие требования, как создание 86 новых самодеятельных коллективов, достижения звания «народного» для четырех коллективов, организация для тружеников города и села 1450 выступлений (Социалистические обязательства 1981: 3). Отмечая значительный вклад многочисленных работников культуры, сообщают также об успешном выполнении планового задания 1980 г., завершающего года X пятилетки. О досрочном выполнении плана рапортовали коллективы городской киносети, кинопроката, бюро путешествий и экскурсий, музея истории города и КамАЗа. Помимо этого, утверждается, что в городе повысился идейно-художественный уровень и эффективность работы культурно-просветительских учреждений: клубов, библиотек, музеев и парков.

К приурочиваемому 111-летию со дня рождения В.И. Ленина работники учреждений культуры Автозаводского района г. Набережные Челны за 1981 г. провели на подведомственной территории «1 260 тематических вечеров, 2 тыс. концертов и спектаклей, 2 850 вечеров отдыха, на которых побывало свыше 300 тыс. человек. Улучшилось библиотечное обслуживание трудящихся. Увеличился книжный фонд массовых библиотек до 510 тыс. экз., количество читателей достигло 80 тыс. человек» (Социалистические обязательства Автозаводского района 1982: 1). Имелись и другие успехи: посещение кинотеатров превысило более 4 миллионов зрителей, а картинной галереей обслужено 62 853 человека, проведено свыше 500 экскурсий. Все эти количественные показатели трактовались как достижение «новых творческих и производственных успехов» ввиду широко развернутого ранее «социалистического соревнования в честь 111-ой годовщины со дня рождения В.И. Ленина, за достойную встречу XXVI съезда КПСС» (Социалистические

обязательства Автозаводского района 1982: 1).

22 января 1982 г. на заседании президиума ГК профсоюза работников культуры были приняты «Условия социалистического соревнования предприятий и учреждений культуры и искусства города Набережные Челны» (Социалистические обязательства Автозаводского района 1982). Принятием этого акта преследовалась цель «дальнейшего усиления работы предприятий и учреждений культуры и искусства по пропаганде», а в качестве стимула предусматривалось присвоение переходящего Красного знамени и Красного вымпела трудовому коллективу, а также награждение почетными грамотами ГК профсоюза (Социалистические обязательства Автозаводского района 1982: 6).

Собственно, сущность материального стимулирования заключается в создании мотивации работников к увеличению производительности труда и максимального использования своего трудового потенциала. Однако следует особо подчеркнуть, что вышеназванные формы награждения, как, например, переходящее красное знамя или грамота, являются формами нематериального стимулирования. В условиях нарастающего кризиса советского общества и государственной идеологии такой вид стимулирования не просто малоэффективен – он, наоборот, начал негативно влиять на результативность проводимых мероприятий. Незначительное денежное стимулирование в условиях острого дефицита товаров народного потребления и низких зарплат работников учреждений культуры не снимало общей проблемы низкой заинтересованности работника в результатах своего труда.

Соцобязательства работников культуры и искусства г. Брежнев (переименован в 1982 г.) в 1982 г. были выполнены под знаменем юбилея – 60-летия со дня образования СССР. Отмечалось, что горожане получили новую типовую ДМШ на 620 учащихся, танцевальную веранду в Комсомольском районе на 500 пар и филиал массовой библиотеки (Социалистические обязательства 1983: 1). Годовой план прироста читателей в государственных библиотеках выполнен на 105 %, и по итогам соцсоревнования было принято решение вручить переходящее красное знамя горкома профсоюза работников культуры участникам-коллективам библиотек и магазинов: библиотеки-филиала № 6, кинотеатра «Россия», книжного магазина № 2 и коллективу Мало-Шильнинского сельского Дома культуры (Социалистические обязательства 1983: 4).

Из принятых соцобязательств за 1983 г. особо стоит выделить проведение в клубах и Домах культуры 1 500 массовых мероприятий, доведение числа посещений до 180 тысяч человек и обеспечение планомерной и систематической работы не менее 11 народных университетов культуры. Число читателей в библиотеках города должно было быть доведено до 270 тысяч человек. Кроме того, планировалось открыть массовую и детскую библиотеки в новом застраиваемом Автозаводском районе города, а также приступить к строительству библиотеки ПО «Камгэсэнергострой». Коллективам художественной самодеятельности ставилось обязательство обслужить 150 тысяч человек, добиться звания «Народный» двум коллективам. В планах имелось создание 20 новых самодеятельных коллективов (Социалистические обязательства 1983: 2).

Интересный факт: в документах была произведена корректировка принятых соцобязательств. Так, решение о введении в действие городка аттракционов в парке культуры и отдыха в Автозаводском районе было зачеркнуто авторучкой и от руки сделан помет – «Победа», т.е. имелся в виду все тот же парк культуры и отдыха, но с уточненным наименованием «30-летие Победы». Зачеркнуто без пояснений обязательство к 1 мая установить в нем один аттракцион и восемь игровых автоматов. Также перечеркнуто решение о строительстве Дворца культуры КамАЗа на 1 500 мест и трехзального кинотеатра на 1 200 мест (Социалистические обязательства 1983: 3).

Коллектив ДМШ № 2 обязался четко соблюдать правила внутреннего трудового распорядка. Это могло быть вызвано тем, что в «Условиях социалистического соревнования предприятий и учреждений культуры и искусства в городе», принятых 22.01.1982 г. президиумом ГК профсоюзов работников культуры, для четвертой группы соревнующихся (ДМШ) непременным являлся пункт о состоянии трудовой дисциплины (Социалистические обязательства Автозаводского района 1982: 4). В итогах соцсоревнования за первое полугодие 1982 г. в четвертой группе соревнующихся ДМШ № 2 победителем не вышла (Социалистические обязательства Автозаводского района 1982: 7), что косвенно указывает

на имевшиеся в учреждении проблемы с трудовой дисциплиной. Планировалось подготовить и организовать 15 разработок и рефератов, 12 открытых уроков, а от каждого преподавателя требовалось посетить не менее шести уроков своих наставников и коллег (Социалистические обязательства 1983: 12). Особое внимание было уделено воспитанию горожан к любви к музыкальному искусству вкупе с формированием коммунистического мировоззрения. Для этого в планах была музыкально-просветительская работа в ряде учреждений социального обслуживания и быта. Силами учащихся и преподавателей взято обязательство дать не менее 36 концертов и лекций-концертов.

В отчете о проделанной работе работниками культуры г. Брежнев за 1984 г. сообщается об успешном показе 2 860 спектаклей и концертов коллективами художественной самодеятельности, на которых побывало свыше 1,5 миллиона человек (Материалы по организации 1985: 1). Укреплена материально-техническая база учреждений культуры: приобретено музыкальных инструментов и звукоусилительной аппаратуры на сумму 130 тысяч руб., а также пошито театрально-концертных костюмов на сумму свыше 220 тысяч руб. В целом работники культуры отчитались о выполнении основных показателей плановых заданий истекшего года.

Принятый работниками культуры за 1985 г. фронт работ социалистического соревнования был поделен на несколько областей: самодеятельного народного творчества, культурно-просветительской работы, укрепления материально-технической базы, работы с кадрами. В первой сфере от коллективов художественной самодеятельности требовалось обслужить на 200 тысяч человек больше по сравнению с предыдущим годом, а также привлечь к участию в коллективах более 15,6 тысяч человек и создать 17 новых самодеятельных коллективов. В присвоении звания «народный» должны были добиться успеха пять коллективов (Материалы по организации 1985: 1-2).

По сравнению с 1984 г. планировалось увеличить число читателей в библиотеках на 6 тысяч человек, посещаемость музея и картинной галереи – на 10 тысяч человек. В числе задач было увеличение фактической загруженности в Домах и Дворцах культуры до 80 %, в сравнении с 1983 г. – обеспечение плановой и систематической работой на 7 народных университетов больше (Материалы по организации 1985: 3).

В городском парке культуры и отдыха основной задачей работников культуры стал демонтаж «Колеса обзора» и установка новых аттракционов «Орбита» и «Колокольчик». Дополнительно требовалось провести организационно-технические и профилактические мероприятия, направленные на оздоровление и улучшение условий труда работников культуры, обеспечить безаварийную эксплуатацию спецтранспорта, аттракционов (Материалы по организации 1985: 3-4). Эти требования высвечивают переломность эпохи: здесь можно обнаружить появление социальной политики, начавшейся с приходом нового генсека М.С. Горбачева, и еще сохранившуюся андроповскую практику решения жесткого административно-кадрового контроля.

Относительно новым стало обязательство разработки в бюро путешествий и экскурсий восьми новых маршрутов путешествий и трех тематических, а также предоставление населению услуг по данному направлению на 2 026 тысяч руб. и сверх плана на 5 тыс. руб. Предполагалось получение сверх плана прибыли на сумму 1 тыс. руб. (Материалы по организации 1985: 3).

Заключение

Однако из года в год параметры принимаемых обязательств практически не изменяются. В 1985 г. принятые соцобязательства носят точно такое же типовое содержание, что и в 1974 г. Некоторое изменение вызывают праздники и юбилейные даты, как например мероприятия в честь 40-летия победы в Великой Отечественной войне, 60-летию со дня основания СССР и 110-летию В.И. Ленина, но и оно несет имплицитный характер (Социалистические обязательства 1981; Социалистические обязательства Автозаводского района 1982; Материалы по организации 1985). Во всем остальном принимаемые обязательства идентичны прошлогодним. Эту тенденцию в качестве негативной отметил и генсек ЦК КПСС Ю.В. Андропов, предложив, однако, уже изживший себя бюрократический путь расширения форм соревнований: «обязанность партии – вовремя замечать, поддерживать и распространять все полезные, животворные начинания» (Андропов 1983:

9). Отработанная техника обязательств в совокупности с неэффективным нематериальным стимулированием производила негативный стагнационный эффект.

По нашему мнению, ярче и точнее всего выразился по данной проблеме историк В.И. Искрин: «За что соревноваться? Если обратиться к практике того, что именуется социалистическим соревнованием сейчас, то соревноваться надо за вымпел, знамя, первое место, победу, выполнение решений съездов... А как ужасен труд профорга, старательно вписывающего в «социалистические обязательства по организации соцсоревнования» десятки пунктов от выхода на овощную базу и дежурства в ДНД до коллективной поездки на Валаам и флюорографического обследования сотрудников» (Искрин 1990).

В исследовании мы ставили перед собой цель выявить особенности и ход развития соцсоревнований в области культуры в г.Набережные Челны в период зрелого социализма. При детальном изучении исторического материала нами обнаружены общие тенденции в данной форме социальных мероприятий, как то: стремление получить результат путем достижения количественных показателей, массовость и идеология как первооснова организации, а вместе с тем и порочность в виде бюрократизма и цифирной перегруженности. С другой стороны, мы видим и различия, которые формировали исторический ход развития соцсоревнований в области культуры Набережных Челнов – молодость города и его населения, присутствие градообразующего предприятия КамАЗа, слабость городской инфраструктуры и отсюда невысокий уровень качества спектра предлагаемых горожанам услуг.

Безусловно, успехами работников культуры г. Набережные Челны стало массовое вовлечение горожан всех возрастов в культурно-массовую деятельность, развитие народного творчества и традиций индустриального города. Второстепенный на тот момент, но самый главный успех, на наш взгляд, заключался в том, что работники культуры выявляли фронт работ и слабые места на нем, и тем самым, не без помощи заинтересованных в этом партийно-советских органов, развивали городскую инфраструктуру соцкультбыта, извлекая «инвестиции» у строящегося автогиганта КамАЗа, как бы совершая вложения на десятилетия вперед. Их деятельность сохранилась до сих пор в виде многих ДМШ и ДХШ, музея города и картинной галереи, множества библиотек и иных учреждений культуры.

Однако нельзя не упомянуть неудачи проводимых соцсоревнований. В документах сложно увидеть качественное развитие проводимых в городе культурных мероприятий под эгидой соцобязательств, что косвенно может говорить и о низком темпе их эволюции. Основной упор работников культуры на увеличение количественных показателей – создать больше одних и тех же кружков, клубов, хоров, увеличить численность их членов и проводимых мероприятий – не представляется нам качественным развитием культуры города. Большим недостатком было и то, что работники культуры Набережных Челнов имели низкое стимулирование своих «стахановских» свершений: обретение слабозначимых для продвижения в карьере или улучшения качества жизни красных вымпелов, знамен и почетных грамот не позволяло внести какой-либо серьезный интерес и создавать новые подходы к соцсоревнованиям и соцобязательствам.

Требования, принимаемые организациями культуры г. Набережные Челны, не могли быть двигателем культурно-общественного прогресса, они лишь маскировались бурной деятельностью, но на деле же являлись «бумагомарательством» и «пусканием пыли в глаза».

Самым ироничным из всего вышеупомянутого в работе является тот факт, что об опасных «поворотах» на пути к организации подобных мероприятий предупреждал сам зачинатель соревнований В.И. Ленин: «Надо бороться против всякого шаблонизирования и попыток установления единообразия сверху, к чему так склонны интеллигенты. [...] Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу [...]» (Ленин 1929). То, чему учил основатель советского государства, для продолжателей дела Октября оказалось упущенным из виду.

Примечания:

1. Андропов 1983 – Андропов Ю.В. Речь Генерального Секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Ю.В. Андропова на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 года //

Вопросы истории. 1983. № 7. С. 5-17.

2. Горбачева 2008 – *Горбачева В.Ю.* Экономические формы состязательности: Рыночная конкуренция и социалистическое соревнование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5: Экономика. 2008. № 2. С. 145-149.

3. Документы по организации 1974 – Документы по организации социалистического соревнования учреждений культуры за 1974 г. // АОИKNЧ. Ф. 29 (Набережно-Челнинский городской отдел культуры). Оп. 1. Д. 27. 30 л.

4. Документы по организации 1975 – Документы по организации социалистического соревнования учреждений культуры за 1975 год // АОИKNЧ. Ф. 29 (Набережно-Челнинский городской отдел культуры). Оп. 1. Д. 38. 28 л.

5. Информация о состоянии 1982 – Информация о состоянии и развитии художественного самодеятельного народного творчества в г.Набережные Челны за 1982 г. // АОИKNЧ. Ф. 29 (Исполком Набережно-Челнинского городского Совета народных депутатов). Оп. 1. Д. 90. 6 л.

6. Искрин 1990 – *Искрин В.И.* Коммунистически организованный капитализм (о природе социализма и его экономики) [Электронный ресурс] / *Iskrin.narod.ru*. // Режим доступа: http://www.iskrin.narod.ru/Economy/KOK_Glava_14.htm, свободный (Дата обращения: 03.12.2015).

7. Лебедева 1976 – *Лебедева Н.Б.* Новейшая историография социалистического соревнования в СССР // Вопросы истории. 1976. № 2. С. 36-51.

8. Ленин 1929 – *Ленин В.И.* Как организовать соревнование // Правда. 1929. 20 января.

9. Материалы по организации 1978 – Материалы по организации соц.соревнования учреждений культуры за 1978 г. // АОИKNЧ. Ф. 29 (Набережно-Челнинский городской отдел культуры). Оп. 1. Д. 63. 12 л.

10. Материалы по организации 1985 – Материалы по организации социалистического соревнования учреждений культуры на 1985 г. // АОИKNЧ. Ф. 29 (Отдел культуры исполкома Брежневского городского Совета народных депутатов). Оп. 1. Д. 122. 3 л.

11. О Всесоюзном социалистическом соревновании 1976 – Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР, Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных союзов, Центральный Комитет ВЛКСМ. «О Всесоюзном социалистическом соревновании за повышение эффективности производства и качества работы, за успешное выполнение народнохозяйственного плана на 1976 год». Постановление от 21 января 1976 г. № 49 // Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8795.htm (проверено 25.02.2016).

12. О Всесоюзном социалистическом соревновании 1981 – Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР, Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных союзов, Центральный Комитет ВЛКСМ. Постановление от 26 марта 1981 г. № 304 «О Всесоюзном социалистическом соревновании за успешное выполнение и перевыполнение заданий одиннадцатой пятилетки» // Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9077.htm (проверено 25.02.2016).

13. Синдянкина 2012 – *Синдянкина О.К.* Участие профсоюзных организаций Мордовии в социалистическом соревновании в годы восстановления народного хозяйства (1946-1953 гг.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. №10. 2012. С. 150.

14. Социалистические обязательства 1977 – Социалистические обязательства культпросветучреждений города за 1977 г. // АОИKNЧ. Ф. 29 (Набережно-Челнинский городской отдел культуры). Оп. 1. Д. 51. 11 л.

15. Социалистические обязательства 1979 – Социалистические обязательства работников культуры на 1979 г. // АОИKNЧ. Ф. 29 (Набережно-Челнинский городской отдел культуры). Оп. 1. Д. 71. 2 л.

16. Социалистические обязательства 1981 – Социалистические обязательства работников культуры на 1981 г. // АОИKNЧ. Ф. 29 (Набережно-Челнинский городской отдел культуры). Оп. 1. Д. 84. 3 л.

17. Социалистические обязательства Автозаводского района 1982 –

Социалистические обязательства учреждений культуры Автозаводского района г.Набережные Челны на 1982 г. // АОИKNЧ. Ф. 29 (Отдел культуры исполкома Брежневского городского Совета народных депутатов). Оп. 1. Д. 93. 4 л.

18. Социалистические обязательства 1983 – Социалистические обязательства работников культуры и искусства г. Брежнева на 1983 г. // АОИKNЧ. Ф. 29 (Отдел культуры исполкома Брежневского городского Совета народных депутатов). Оп. 1. Д. 104. 8 л.

19. Справка о культурном обслуживании 1973 – Справка о культурном обслуживании строителей Камского автомобильного завода за 1973 г. // АОИKNЧ. Ф. 29 (Набережно-Челнинский городской отдел культуры). Оп. 1. Д. 13. 18 л.

20. Справка о работе 1979 – Справка о работе отдела за 1979 г. // АОИKNЧ. Ф. 29 (Набережно-Челнинский городской отдел культуры). Оп. 1. Д. 68. 7 л.

21. Справка о состоянии 1976-1978 – Справка о состоянии культурного обслуживания трудящихся за 1976-1978 гг. // АОИKNЧ. Ф. 29 (Набережно-Челнинский городской отдел культуры). Оп. 1. Д. 42. 25 л.

References:

22. Andropov, Yu.V. (1983). Rech' General'nogo Sekretarya Tsentral'nogo Komiteta KPSS tovarishcha Yu. V. Andropova na Plenum TsK KPSS 15 iyunya 1983 goda [The speech of the Secretary general of the Central Committee of CPSU companion Yu.V. Andropov on Plenum of the Central Committee of CPSU on June 15, 1983], *Voprosy istorii*, 1983, Nr 7, pp. 5-17 [in Russian].

23. Central committee of CPSU, Council of ministers of the USSR, All-Union Central Office of Labor unions, Central Committee of All-Union Leninist Young Communist League, (1976). «O Vsesoyuznom sotsialisticheskom sorevnovanii za povyshenie effektivnosti proizvodstva i kachestva raboty, za uspeshnoe vypolnenie narodnokhozyaistvennogo plana na 1976 god», Postanovlenie ot 21 yanvarya 1976 g. № 49 ["About All-Union socialist competition for increase of production efficiency and quality of work, for successful implementation of the economic plan for 1976", The resolution of January 21, 1976 No. 49]. [online] Moscow: Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8795.htm [Accessed 25 Feb. 2016].

24. Central committee of CPSU, Council of ministers of the USSR, All-Union Central Office of Labor unions, Central Committee of All-Union Leninist Young Communist League, (1981). «O Vsesoyuznom sotsialisticheskom sorevnovanii za uspeshnoe vypolnenie i perevypolnenie zadanii odinnadtsatoi pyatiletki», Postanovlenie ot 26 marta 1981 g. № 304 ["About All-Union socialist competition for successful performance and an overfulfillment of tasks of the eleventh five-years period", The resolution of March 26, 1981 No. 304]. [online] Moscow: Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9077.htm [Accessed 25 Feb. 2016].

25. *Dokumenty po organizatsii sotsialisticheskogo sorevnovaniya uchrezhdenii kul'tury*. (1974). [Text] Archival department of Executive committee of the city of Naberezhnye Chelny, archival fund 29, inventory 1, file 27. Naberezhnye Chelny, Russia.

26. *Dokumenty po organizatsii sotsialisticheskogo sorevnovaniya uchrezhdenii kul'tury*. (1975). [Text] Archival department of Executive committee of the city of Naberezhnye Chelny, archival fund 29, inventory 1, file 28. Naberezhnye Chelny, Russia.

27. Gorbachova, V.Yu. (2008). Ekonomicheskie formy sostyazatel'nosti: rynochnaya konkurentsiya i sotsialisticheskoe sorevnovanie [Economic Forms of Competitiveness: Market Competition and Socialist Emulation], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika*, 2008, Nr 2, pp. 145-149 [in Russian].

28. *Informatsiya o sostoyanii i razviti khudozhestvennogo samodeyatelnogo narodnogo tvorchestva v g.Naberezhnye Chelny*. (1982). [Text] Archival department of Executive committee of the city of Naberezhnye Chelny, archival fund 29, inventory 1, file 90. Naberezhnye Chelny, Russia.

29. Iskrin, V.I. (1990). *Predmet sotsialisticheskogo sorevnovaniya* [Subject of socialist competition]. [online] *Kommunisticheski organizovannyi kapitalizm (o prirode sotsializma i ego ekonomiki)*. Available at: http://www.iskrin.narod.ru/Economy/KOK_Glava_14.htm [Accessed 25 Feb. 2016].

30. Kuznetsov, B.L. and Bibishev, M.Sh. (Editors) (2007). *Entsiklopediya goroda Naberezhnye Chelny* [Encyclopedia of the city of Naberezhnye Chelny]. Kazan': Izdatel'stvo «Idel-Press» [in Russian].

31. Lebedeva, N.B. (1976). Noveishaya istoriografiya sotsialisticheskogo sorevnovaniya v SSSR [The newest historiography of socialist competition in the USSR], *Voprosy istorii*, 1976, Nr 2, pp. 36-51 [in Russian].

32. Lenin, V.I. (1929). Kak organizovat' sorevnovanie [How to organize competition], *Pravda*, 20 Jan. [in Russian].

33. *Materialy po organizatsii sotsialisticheskogo sorevnovaniya uchrezhdenii kul'tury*. (1985). [Text] Archival department of Executive committee of the city of Naberezhnye Chelny, archival fund 29, inventory 1, file 122. Naberezhnye Chelny, Russia.

34. *Materialy po organizatsii sots.sorevnovaniya uchrezhdenii kul'tury*. (1978). [Text] Archival department of Executive committee of the city of Naberezhnye Chelny, archival fund 29, inventory 1, file 63. Naberezhnye Chelny, Russia.

35. Sindyankina, O.K. (2012). Uchastie profsoyuznykh organizatsii Mordovii v sotsialisticheskom sorevnovanii v gody vosstanovleniya narodnogo khozyaistva (1946-1953 gg.) [Participation of the trade-union organizations of Mordovia in socialist competition in the years of restoration of a national economy (1946-1953)], *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, 2012, Nr 10, p. 150 [in Russian].

36. *Sotsialisticheskie obyazatel'stva kul'tprosvetuchrezhdenii goroda*. (1977). [Text] Archival department of Executive committee of the city of Naberezhnye Chelny, archival fund 29, inventory 1, file 51. Naberezhnye Chelny, Russia.

37. *Sotsialisticheskie obyazatel'stva rabotnikov kul'tury*. (1979). [Text] Archival department of Executive committee of the city of Naberezhnye Chelny, archival fund 29, inventory 1, file 71. Naberezhnye Chelny, Russia.

38. *Sotsialisticheskie obyazatel'stva rabotnikov kul'tury*. (1981). [Text] Archival department of Executive committee of the city of Naberezhnye Chelny, archival fund 29, inventory 1, file 84. Naberezhnye Chelny, Russia.

39. *Sotsialisticheskie obyazatel'stva rabotnikov kul'tury i iskusstva g. Brezhneva*. (1983). [Text] Archival department of Executive committee of the city of Naberezhnye Chelny, archival fund 29, inventory 1, file 104. Naberezhnye Chelny, Russia.

40. *Sotsialisticheskie obyazatel'stva uchrezhdenii kul'tury Avtozavodskogo raiona g.Naberezhnye Chelny*. (1982). [Text] Archival department of Executive committee of the city of Naberezhnye Chelny, archival fund 29, inventory 1, file 93. Naberezhnye Chelny, Russia.

41. *Spravka o rabote otdela*. (1979). [Text] Archival department of Executive committee of the city of Naberezhnye Chelny, archival fund 29, inventory 1, file 68. Naberezhnye Chelny, Russia.

42. *Spravka o sostoyanii kul'turnogo obsluzhivaniya trudyashchikhsya*. (1976-1978). [Text] Archival department of Executive committee of the city of Naberezhnye Chelny, archival fund 29, inventory 1, file 42. Naberezhnye Chelny, Russia.

УДК 338.244.2"1974-1985"(470.41)

Социалистические соревнования в сфере культуры (на материалах г. Набережные Челны в 1974-1985 гг.)

¹Тимур Альбертович Магсумов

²Глеб Олегович Ковзик

¹Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

¹⁻² Набережночелнинский государственный педагогический университет, Российская Федерация

¹Кандидат исторических наук, доцент

¹E-mail: nabonid1@yandex.ru

²E-mail: chaes2@mail.ru

Аннотация. Раскрываются цели, сущность и проявления соцсоревнований в области культуры эпохи «застоя». Фокусом исследования становится город Набережные Челны в

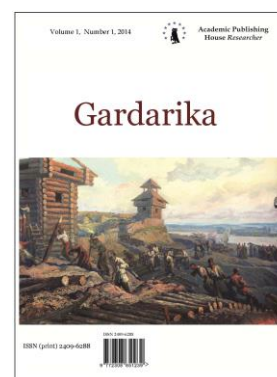
1974–1985 гг. Статья строится на основе нормативно-правовых, газетных и делопроизводственных материалов, извлеченных из городского архива и впервые вводимых в научный оборот. Локальные социально-исторические условия города породили особое внимание местных властей к сфере культуры. Поэтому важное внимание авторы акцентируют на особенности проведения соцсоревнований в фокусе строящегося градообразующего предприятия КамАЗ и города. Указываются несомненные количественные успехи в проведении ряда мероприятий в области культуры. Раскрываются очевидные проблемы, проявляющиеся в отсутствии разнообразия форм соревнований, «бегстве за цифрами», низком качестве обслуживания населения. В условиях быстро растущего молодого города это становилось одним из важнейших факторов дестабилизации социокультурного климата в постсоветское время.

Ключевые слова: соцсоревнование, культура, история, Набережные Челны, СССР.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Gardarika
Has been issued since 2014.
ISSN: 2409-6288
E-ISSN: 2413-7456
Vol. 6, Is. 1, pp. 53-72, 2016

DOI: 10.13187/gard.2016.6.53
www.ejournal26.com

UDC 94 (477) 9-17

Romny Fortress in the X-XVIII Centuries

Evgenij M. Osadchij

Department of Culture and Truism of the Sumy Regional State Administration, Ukraine
PhD (History)
Kharkovskaya Str., 38, Sumy region, Sumy 40007
E-mail: sumchatyj75@mail.ru

Abstract

The article analyzes the history of the fortification of the fortress in the town of Romny. On the basis of written and cartographic sources recreated image of the fortress of ancient time period, the Commonwealth and New time period. Data of the fortress are submitted in the context of the historical events that took place in the Upper Posullya and having an impact on the development of Romney fortification fortress.

Keywords: Romny, the fortress, the Commonwealth, the Northern War fortification.

Введение

Город Ромны имеет почти тысячелетнюю историю. За время своего существования на его территории было построено несколько укреплений, которые сыграли важную роль не только в становлении города, но и в развитии региона в целом. Это был военный, экономический и административный центр, место, где происходили важные исторические события, имевшие влияние на историю украинских земель. Первые укрепления на территории современного города Ромны возникают в конце IX – начале X века. Они принадлежали славянскому племени северян, которые проживали в Посулье. Северяне построили два городища в месте впадения р. Ромен в Сулу. Первое находится в северной части города в урочище Монастырище, второе – в центре города в урочище Замок. Во времена Киевской Руси город Ромен находился на границе с Диким Полем и играл важную роль в защите древнерусских земель от кочевников. В XVII – начале XVIII веков Ромны находились в центре событий войны 1658-1659 годов и Северной войны. Во второй половине XVIII века тут находилась одна из крупнейших ярмарок Украины – Ильинская.

Материалы и методы

В работе используются данные археологических исследований В. Ляскоронского, О. Сухобокова, Ю. Моргунова, В. Вечерского и автора, проводившихся на территории города. Задействованы планы Ромен XVIII-XIX веков и топографические карты, хранящиеся в архивах библиотеки им. В.И. Вернадского, современные планы, описания крепости, сделанные в ходе Северной войны, а также данные, приведённые в работах Н. Арандаренко и А. Шафонского, материалы из фондов историко-культурного заповедника «Посулье».

Обсуждение и результаты

Первые научные описания укреплений Роменской крепости принадлежат А. Шафонскому и Н. Арандаренко. Эти исследователи описывали сохранившиеся на момент обследования остатки крепостных укреплений. В. Ляскоронский в начале XX века снял план Замка и Подгородка с указанием расположения всех сохранившихся укреплений. Однако, при составлении плана, учёный допустил несколько ошибок, повторенных в последующих публикациях. Так на плане городище роменско-древнерусского времени названо Подгородок. Это название известно по публикации А. Шафонского, но описание Подгородка говорит о том, что эта часть располагалась восточнее городища, на склоне и стрелке мыса. Публикация архивных документов П. Кулаковским позволила уточнить хронологию заселения и топонимику Роменской крепости. В результате сравнения планов города Ромны конца XVIII века с архивными документами можно установить названия отдельных составляющих крепости. Цитаделью города был «Замок» или «Малый острог на осыпи» – хорошо укрепленное городище роменско-древнерусского времени. «Крепость» или «Большой острог» находился западнее Замка на плато правого берега р. Сула. «Подгородок», наиболее поздняя часть крепости располагался западнее Замка.

Впервые археологические раскопки были проведены на городище Монастырище. Его в 1901 году начал исследовать местный краевед Ф. Николайчик при участии В. Безпальчева и украинского археолога Н. Макаренко. Результаты исследований авторами трактовались по-разному. В. Безпальчев в журнале «Киевская старина» сообщал о раскопках городища эпохи неолита. В свою очередь Н. Макаренко, проанализировав находки, отнёс памятник к славянскому времени и датировал его VIII веком. Работы на городище продолжились в 1906 году [15, с. 23]. Полученные материалы позволили учёному выделить новую археологическую культуру, названную роменской по имени места, где велись раскопки. Роменская культура отождествляется современными учёными с племенем северян, проживавших на территории Днепровского лесостепного Левобережья в конце в конце IX – начале XI века.

В 1927-1928 годах городища Посулья исследовал директор Роменского краеведческого музея Н. Семенчик. Им были сняты точные топографические планы ряда археологических памятников Посулья. Следует отметить качество съёмки и точность планов экспедиции роменского музея. Одним из картографированных объектов на территории города Ромны было городище Монастырище. На плане были нанесены траншеи раскопов Н. Макаренко [26].

В 1980 году Ю. Моргунов обследовал городище в урочище Замок и зафиксировал остатки вала между домами № 21 и 22 по Четвёртому Комсомольскому переулку. Археологические раскопки О. Сухобокова позволили выяснить строение укреплений городища Монастырище. Во время разведок в 2009 году автором были обследованы укрепления Замка и крепости. В результате элементы укреплений были выявлены на территории Базарной площади.

На сегодня в городе Ромны сохранились два городища. Первое в урочище Монастырище. Оно расположено на овальном невысоком мысу правого берега р. Ромен. Высота над уровнем поймы составляет 2,5-3 м. С западной стороны находится вал шириной 8 м и высотой 2-2,5 м. Ниже вала располагается ров глубиной 2-3 м и шириной 15 м. Площадка городища ровная, её размеры составляют 70x50 м (рис. 1).

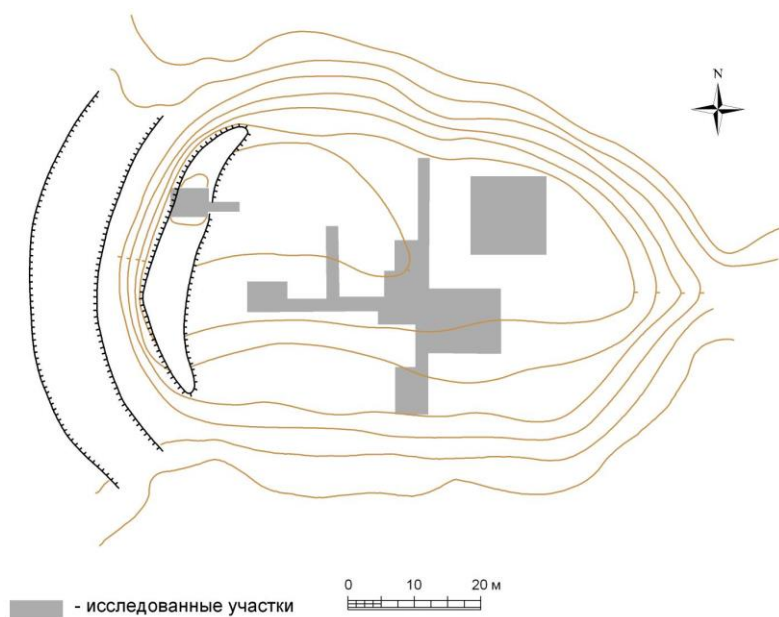

Рис. 1. г. Ромны. Городище в урочище Монастырище. План Е.М. Осадчего и А.В. Короты 2011 г.

В результате археологических исследований было установлено, что первоначально на мысу существовало неукрепленное поселение северян. Вскоре с напольной стороны был выкопан ров и насыпан вал. Конструкция вала состояла из двух рядов толстых досок шириной 35-40 см и толщиной 8-15 см. Между ними была насыпана земля, вынутая при рытье вала и собранная с площадки городища. В верхней части вала не обнаружены остатки деревянных укреплений [27, с. 15]. Можно предположить, что по верху вала располагался частокол или стена столбовой конструкции. Въезд на городище так же не выявлен, кроме того, что был пробит в валу в XVII-XVIII веках. Это укрепление относится к типу городищ-убежищ, строившихся в болотистой местности, а строительство укреплений автор раскопок относит к началу X века. Прекращение жизни на городище Монастырище происходит в первой половине XI века [27, с. 15].

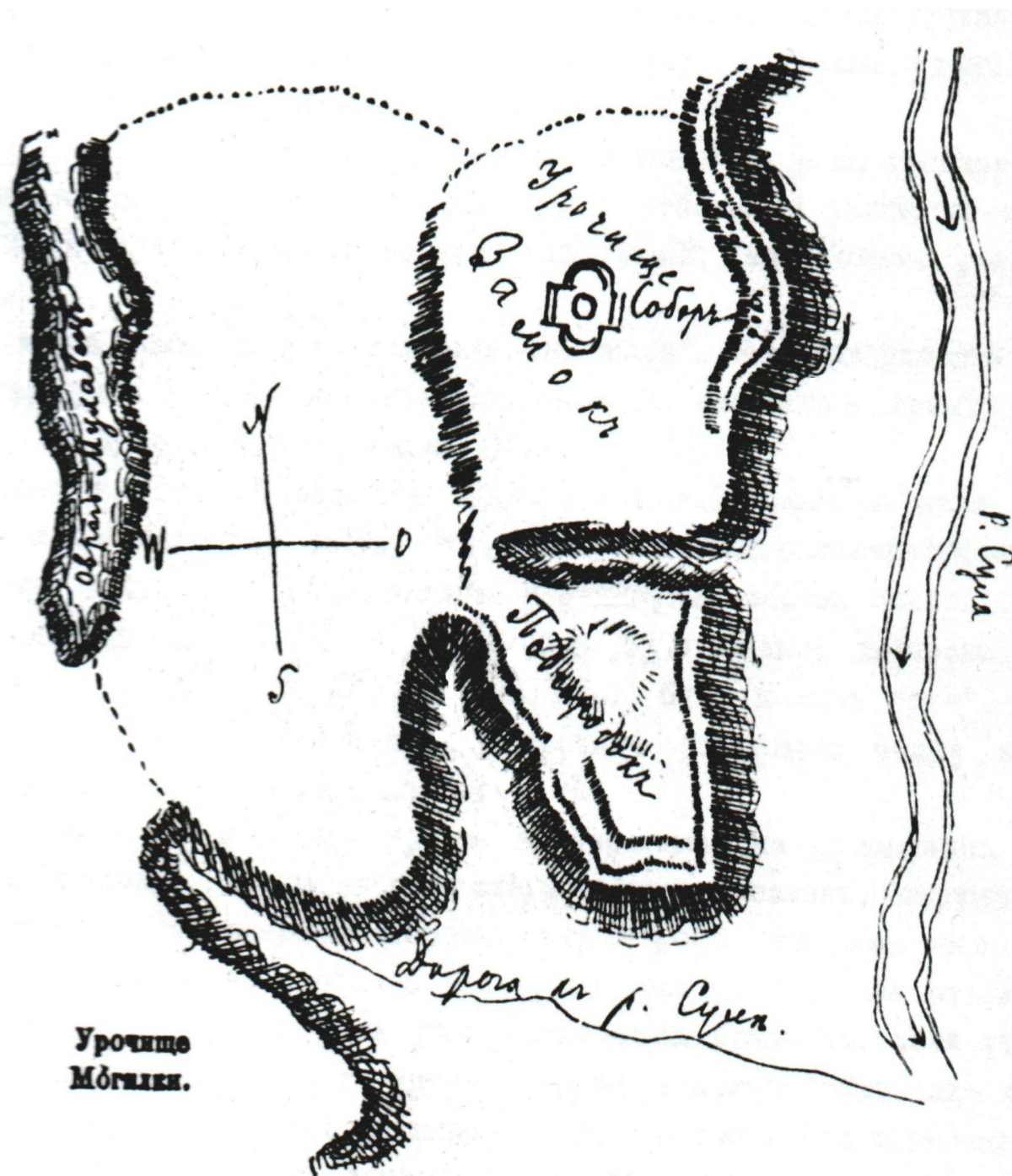

Рис. 2. г. Ромны. Городище в урочище Замок.
План В.Г. Ляскоронского начала XX века.

В 2 км к югу от урочища Монастирище расположено городище в урочище Замок. Это укрепление состоит из двух частей и имеет несколько культурных слоёв. Его основание О. Сухобоков относит к началу X века, то есть времени, когда часть северянских племён входит в состав Киевской державы. Это городище отличается от укрепления в урочище Монастирище. Оно расположено на высоком мысу правого берега р. Сула. С востока мыс сформирован склоном береговой террасы, с запада – оврагом. Высота над уровнем поймы составляет 45-50 м. С северной стороны расположен сильно расплывшийся вал шириной 15 м и высотой 1,2-1,4 м. Размеры городища составляют 170x55 м. Площадка ровная, сильно застроенная частными усадьбами (рис. 3).

Рис. 3. г. Ромны. Городище в урочище Замок. План Е.М. Осадчего и А.В. Короты 2011 г.

Первый исследователь городища В. Ляскоронский снял точный топографический план, содержащий элементы, ныне утраченные. На плане изображено городище и прилегающая часть берегового плато (рис. 2). Интересен ров, проходящий по краю склона правого берега р. Сула к востоку от Святодуховского собора. Такое расположение рва на краю крутого берегового склона весьма нетипично для фортификации, вероятно, это более позднее образование. От напольных укреплений замка проходит невысокий вал, разделяющий территорию крепости пополам. Эта территория на плане носит название Замок. Восточная часть крепости ограничена оврагом Мухавец с юга и севера. Скорее всего, это остатки крепостного рва сильно повреждённого эрозией. Овраг сейчас засыпан, а это название носит русло ручья, впадающего в Сулу [18, с. 433-435].

В X веке на городище в урочище Замок было населено северянами. О характере укреплений этого периода можно судить по аналогичным городищам роменской культуры на территории Верхнего Посулья. Необходимыми атрибутами фортификации северян были напольный вал и глубокий ров, отделявший мыс от берегового плато. По периметру городище укреплялось частоколом, а склоны эскарпировались. В конце X века эта территория входит в состав Древнерусского государства. При князе Владимире начинается строительство Посульской оборонной линии. Новые крепости были предназначены для обороны юго-восточных рубежей страны от набегов кочевников. Одновременно с этим

происходит изменение и в структуре укрепленных поселений северян. Часть из них были покинуты жителями, другие же напротив, начинают активно развиваться. В начале XI века городище в урочище Замок приобретает важное значение как военный и административный центр Верхнего Посулья. На городищах Монастырище и Коржи жизнь прекращается в начале XI века.

С этого времени начинает свою историю летописный город Ромен. Он получил своё название от реки Большой Ромен, впадающей в Сулу около города. Археологические исследования выявили мощный культурный слой с материалами древнерусского времени XI-XIII веков. Первое упоминание о городе Ромен датируется 1096 годом. В «Поучении Владимира Мономаха детям» списка Лаврентьевской летописи есть рассказ о том, как половецкие ханы Аэпа и Боняк пытались захватить город Выр. «...и к Выреви бяху пришли Аэпа и Боняк, хотиша взяти и ко Ромну идох со Олгомь и з детьми на ня, и они очитивше бижаша» [16, с. 247]. В научной литературе существует дискуссия на тему правильности даты этого события. Есть предположения, что это эпизод имел место в 1111 или 1113 годах [23, с. 274]. Но, несмотря на разногласия в датировке, фактом остаётся то, что в это время город Ромен был значительным военным центром Верхнего Посулья и входил в состав Переяславского княжества [19, с. 181].

В XI-XIII веках детинец города Ромен был перестроен. По периметру были поставлены городни, с напольной стороны, скорее всего, располагались клетки заполненные землёй. Расположение города практически на границе половецкой степи делало население уязвимым в случае нападения кочевников. Для защиты всех жителей на территории детинца места было мало. Площадь детинца составляет меньше одного гектара. Этого было явно недостаточно, учитывая размеры неукрепленного поселения.

Анализируя планы города Ромны конца XVIII века, и сравнивая их с планами древнерусских летописных городов Левобережной Украины, можно прийти к выводу о сходстве в планировке. Можно предположить, что посад летописного города Ромен имел укрепления по конфигурации сходные с теми, что впоследствии были изображены на картах казачьего времени. Во всех описаниях Роменской крепости укрепления имеют вал и ров. Вал обычно образуется в результате разрушения деревянных конструкций, заполненных землёй. А деревянные конструкции крепости в XVII-XVIII веках – это частокол и деревянные башни. В этом случае высокий вал вряд ли мог образоваться. Скорее всего, использовали тот, что остался от предыдущих укреплений древнерусского времени. Однако, это всего лишь предположение, так как вал не сохранился.

Судьба города Ромен схожа с другими летописными населёнными пунктами региона. В 1239 году монгольское войско вторглось в пределы Черниговского, Новгород-Северского и Переяславского княжеств. Практически все крупные населённые пункты были сожжены, население частью было угнано в Орду, а оставшиеся не стали селиться около пепелищ. Во второй половине XIII века Посулье входит в состав Золотой Орды. Здесь пока не известны укрепленные населённые пункты этого времени.

В XIV веке Посулье вошло в состав Великого Княжества Литовского. В 1320 году литовский князь Лекса (Александр) Глинский получает во владение территорию Южной Северщины. На Ворскле и Суле строятся замки, получившие сходные названия – Глинск. Глинск на Суле становится одним из региональных военных центров. В 1399 году состоялась битва на Ворскле между войсками Тимур-Култука и Витовта и Тохтамыша. Литовское войско потерпело сокрушительное поражение, что привело к опустошению края. Почти 300 лет эта территория города оставалась незаселённой. Верхнее Посулье долго было границей между Великим Княжеством Литовским и Диким Полем. Эта ситуация сохранялась вплоть до XVI века.

В конце XVI века территория Посулья была местом, где казаки Заднепряньщины занимались промыслами. Эта территория имела значительный экономический потенциал. Сюда стремились промысловики и уходники. По Суле проходил один из торговых путей из Московского царства в города Речи Посполитой. В конце XVI века незаселённые территории по Суле были отданы князю Александру Вишневецкому с формулировкой «na pustynia rzeki sule ... z iey przyleglosciami» [21, с. 20]. При этом населённые пункты в этой местности не упоминаются.

В первых годах XVII века на территории Московии начался политический кризис, получивший название Смуты. В это время на московском престоле сменяются один за другим правители и самозванцы, а пограничные территории Московского царства заполнили вооружённые отряды Речи Посполитой и украинских казаков. В этой ситуации юго-западные территории Московии оказались де-факто в распоряжении крупных феодалов Речи Посполитой. В первое десятилетие XVII века на старом древнерусском городище у слияния рек Сула и Великий Ромен по инициативе князя Самуила Корецкого был заложен замок, получивший название Ромны.

С этого момента почти на 50 лет Ромны превращаются в центр колонизации всей Южной Северщины. Ядром этого населенного пункта был замок. О первых годах его существования известно мало. Укреплённая часть – Малый острог, располагалась на старом городище. Казаки часто использовали укрепления древнерусского времени для основания там небольших замков. Такая практика широко использовалась в строительстве пограничных пунктов. Этому способствовали несколько факторов: труднодоступный мыс, наличие старых земляных укреплений и расположенная рядом река. Небольшая численность первых поселенцев стала причиной того, что при возведении укреплений максимально использовались природные препятствия. Обычно углублялся ров, а по старому валу ставился частокол. Такие замки известны в Медвежьем, Кошарах, Глинске [22, с. 57-59]. Там хорошо сохранились укрепления, что позволило выделить этапы формирования фортификационных сооружений древнерусского и казацкого времени.

Подписание Деулинского перемирия 1618 года позволило Московскому государству постепенно восстановить контроль над западными границами государства, уступив при этом значительные территории. На юге, в особенности в Посулье, влияние Московии было номинальным. Здесь отсутствовали постоянные поселения, не было укреплённых населённых пунктов. Главной проблемой этого участка границы было значительное расстояние до ближайшей крепости – Путивля.

В первые десятилетия Ромны практически не упоминаются в письменных документах, связанных с военными событиями Смуты. Если Роменский острог существовал в это время, то это была незначительная пограничная крепость. В жалобе вдовы Михаила Вишневецкого, княжны Раины Вишневецкой, на Юрия Михаила Вишневецкого за отнятие местностей, упоминаются городки: Ситовичи, Лохвица, Старое и Новое Руменское. Документ относится к 1616-1618 годам [21, с. 20]. Такая формулировка говорит скорее о притязаниях на Ромны, нежели на реальное владение им.

В 1622 году в турецком плену погибает инициатор основания Ромен князь Самуил Корецкий. После его смерти Ромны оказались во владении князя Адама Казановского. Город с округой были присоединены к Новгород-Северскому уезду. Урядником в Ромны был назначен Кшиштоф Сеножацкий, инициатор практически всех акций по освоению Посулья. С этого времени Ромны быстро разрастаются. На плато коренного берега возникают дворы переселенцев, которым предоставляют налоговые льготы. География заселения Ромен охватывает практически всё Левобережье. Тут поселились выходцы из Черкас, Канева, Переяслава, Белой Церкви, Полоцка, Новгород-Северского. На территории Верхнего Посулья работали промысловики из Лохвицы, Миргорода, Белой Церкви, Киева и других городов. Ромны стали базой для многочисленных ватаг селитроваров, охотников, углежогов, будников, бортников. [12, с. 310-312].

Эта активность роменских поселенцев беспокоила путивльских воевод. Документы 20-30-х годов XVII века пестрят упоминаниями о стычках между отрядами путивльских ратных людей с колонистами. Успех часто был на стороне путивлян, но отдалённость Путивля сводила на нет все старания по очистке приграничных территорий от казаков. С этого времени Ромны упоминаются и в московских источниках. В «Книге Большому Чертежу» сказано, что «... а выше Глинска 20 верст, пала в Сулу речка Ромонь, а на устье город Ромон» [11, с. 108]

Во время Смоленской войны Ромны сильно пострадали от нескольких нападений отрядов путивлян. В 1632 году московская рать под руководством путивльских воевод Андрея Литвинова-Мосальского и Игнатия Уварова вместе с рыльским воеводой Василием Ромодановским выступила к Ромнам. Бой между путивлянами и отрядом под предводительством К. Сеножацкого произошел в версте от города. В бою верх одержала

московская сторона. В результате отряд московских ратных людей сжег Большой острог и осадил «городок на осыпи», который продержался чуть дольше. Это первое упоминание в письменных источниках замка Роменской крепости [24, с. 175]. Были сожжены окрестные слободы, захвачены пленные. В Ромнах формировались вооружённые отряды для ответного похода на Московию. Весной 1633 года отряд под руководством К. Сеножацкого предпринял поход на Белгород. Отряды казаков под руководством казацких полковников Я. Острияницы, М. Пырского и Лавринка осадили Белгород.

В ответ зимой 1633 года московские войска под руководством воеводы Баима Болтина снова захватили Ромны и сожгли сотни дворов [12, с. 321]. Такое количество дворов вовсе не означало того, что все они были заселены. Дворы выделялись селитроварам и торговцам для временного размещения товаров и формирования походных ватаг. В большинстве случаев такие дворы были просто огороженными участками земли без строений. И, тем не менее, ко времени начала Смоленской войны в регионе было несколько крупных городов, среди которых Ромны играли значительную роль. Поход московской рати на земли Речи Посполитой имел целью ослабить колонизацию Южной Северщины.

В 1634 году из Путивля к Ромнам был послан небольшой отряд Михаила Коренева для разведки. Со слов пленного жителя слободы Герасимовка в Ромнах гарнизон стоял немногочисленный, а запорожских казаков не было вообще. После этого из Путивля выступил отряд под руководством Ивана Черепова. Путивляне с ходу взяли Ромны и сожгли город. При этом упоминаются три роменских острога. После взятия замка в плен попала жена К. Сеножацкого Федорка, а его брат Манфер был убит [1, с. 598]. По другим сведениям он попал в плен [13, с. 107]. Позднее жена К. Сеножацкого была обменена в Путивле на семью путивлянина Ивана Колтовского [1, с. 627].

После сдачи Смоленска и заключения Поляновского мирного договора Ромны быстро восстанавливаются. По инициативе роменского урядника К. Сеножацкого отряды казаков активно осваивают верхнее течение Сулы. Здесь заселяются пострадавшие в ходе войны слободы Волкова, Аксютинцы, Герасимовка, Бобрик, Лозовая.

Кроме слобод на территории Роменской волости строятся городки Недригайлов и Карабутов. Эти две крепости впоследствии превратились в центры казацких сотен. Активно заселяются городища в Верхнем Посулье. На Деханском и Курицком городищах ставятся шалаши. На это очень быстро отреагировали из Путивля. Для выдворения роменчан с территории Путивльского уезда прибыл вооружённый отряд под руководством Дмитрия Киреева. Но более многочисленный отряд Александра Яблоновского выгнал путивлян с Деханского городища, отобрал оружие и вытеснил на левый берег Терна. Таким образом, на некоторое время р. Терн стала границей между Путивльским уездом и Роменской волостью [12, с. 322-325]. В это время активизируется освоение Южной Северщины путивльскими боярами. Традиционно путивлянами заселялись земли севернее Сейма. Однако, уже в середине XVII века в Посулье возникают деревни путивльских бояр. Одна из них, Череповка, находилась всего в 30 км от Ромен [25].

В первой половине XVII века на территории Посулья работала межгосударственная комиссия по размежеванию границ между Речью Посполитой и Московским царством. В её работе принимал участие французский военный инженер Г.Л. де Боплан. Ему принадлежит первый план крепости Ромны снятый в период с 1636 по 1644 годы [7, карта]. Крепость состоит из двух частей. Замок ромбической формы с четырьмя полукруглыми боковыми выступами, окружённый с трёх сторон рвом. По периметру проходит вал, на котором располагались башни и деревянная стена. О характере деревянных укреплений этого времени данных нет. Можно предположить, что по периметру проходил частокол или стена столбовой конструкции. С напольной стороны располагались конструкции типа городен, наполненные землёй. Через ров был перекинут мост. Учитывая конфигурацию мыса, на котором расположен замок можно с большой долей вероятности определить, где располагались башни. Первая находилась на замковом валу и была проездной. Вторая на стрелке мыса, третья и четвёртая были в местах наибольшего расширения мыса. Таким образом, достигалась максимальная эффективность флангового обстрела крепостных стен.

Рис. 4. Крепость города Ромны на карте г. Л. де Боплана.

Крепость или Большой острог имела шестиугольную форму. По периметру была окружена валом с полукруглыми выступами и рвом. Характер крепостных укреплений аналогичен замковым. Судя по описаниям событий Смоленской войны, тут были слабые укрепления. По гребню вала установлен частокол и 5 башен, из которых 3 проездные. К мосту на реке Сула вёл спуск, проходивший между северной стеной замка и укреплениями Большого острога. Другой спуск вёл к мосту через Ромен (рис. 4). В отношении бастионов, которыми могла укрепляться Роменская крепость, пока данных нет. При обследовании автором восточного берега р. Сула были обнаружены полукруглые выступы-рондели (рис. 5). Они были предназначены для вынесения башен за линию стены. Подобные элементы укреплений зафиксированы в замке Медвежем, городище Мазепина Гора, Лосицком остроге. Эти выступы впоследствии трансформировались в реданы, полубастионы и бастионы.

Весной 1644 года князь Иеремия Вишневецкий захватил Ромны. Жалоба владельца города Адама Казановкого была рассмотрена на вальном Сейме 1645 года. После длительных судебных разбирательств город остался во владении князей Вишневецких. С этим периодом связано строительство нескольких замков на границе с Московским царством. Это Ольшана, основанная в 1646 году при впадении р. Ольшаны в Сулу и Константинов. Константиновская крепость была построена для защиты Ромен с востока после передачи Недригайлова Московской державе [12, с. 332-335]. При князе

И. Вишневецком Ромны получили герб и самоуправление. В городе была построена ратуша, где находились выбранные горожанами старшины. [30, с. 569].

Процесс передачи пограничных городков Московскому государству проходил с 1647 по 1648 годы. Поляки обязались оставить уже имеющиеся крепости и вывести население. Казаки, которые жили на этих землях, противились этому. Князь И. Вишневецкий в письме к путивльскому воеводе князю Ю. Долгорукому от 23 января 1648 г. пишет о выдаче ему беглых крестьян, переселившихся за московскую границу в Недригайлов: «...сошлю я теды вборзе пана Яна Беседовского, старосту моего руменского, и пана Криштофа Сеножацького, хоружого чернетовского, слуг моих, чтобы они подданных моих власных, от мене збеглых, познавали и за позволеньем его царского величества оных з животинами и з маетками всих спровадили» [21, с. 23].

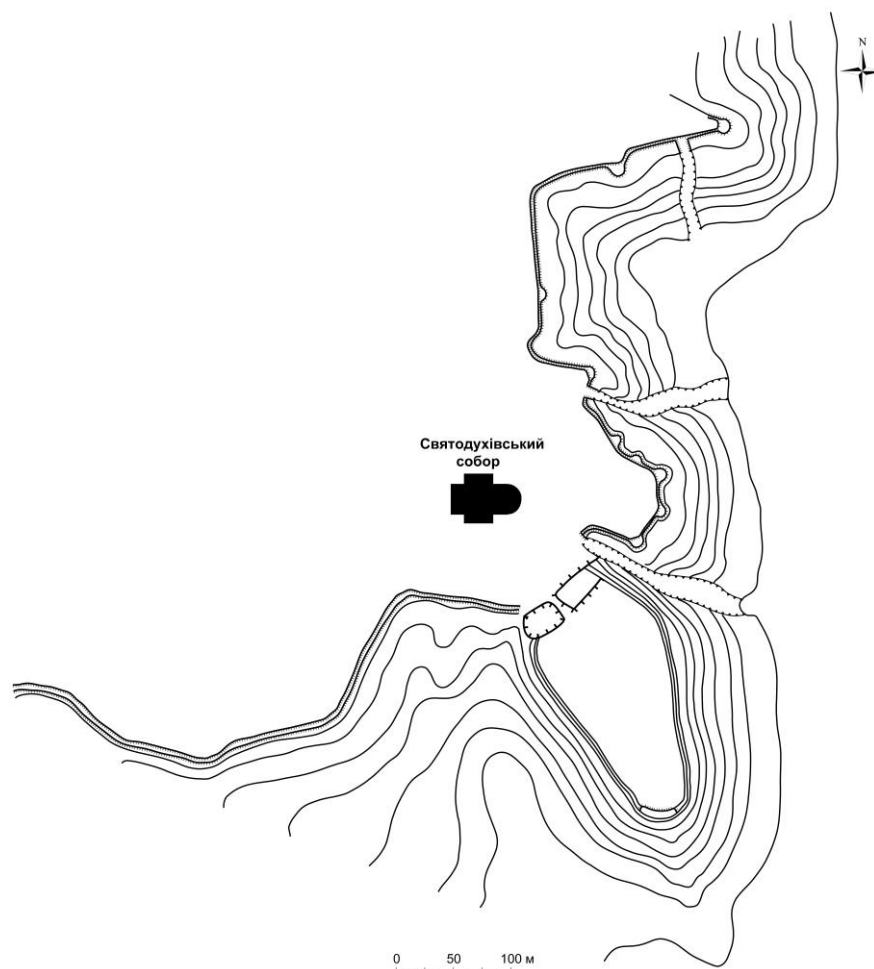

Рис. 5. г. Ромны. План Роменской крепости XVII века. План Е.М. Осадчего и А.В. Короти 2009 г.

В 1648 году, после начала восстания под руководством Б. Хмельницкого, казаки выгнали урядников И. Вишневецкого. В Ромнах была сформирована Роменская (Ромонская) казацкая сотня, которая сначала вошла в состав Лубенского полка. Затем, после его расформирования в 1649 году, сотня вошла в состав Миргородского полка. Сотником был выбран Василий Олефиренко. После подписания Белоцерковского договора в 1651 году на украинские земли стали возвращаться прежние владельцы. Шляхта хотела вернуть прежние владения, а казаки, в свою очередь, противились этому. В 1652 году на Заднепрянщине поднимается восстание против польской шляхты. В марте 1652 года к Ромнам подошёл большой отряд, состоящий из шляхты и коронных войск под руководством гетмана

Калиновского. Гарнизон крепости отказался открыть ворота без приказа Б. Хмельницкого и приготовился к обороне. Поляки не решились штурмовать Ромны и отступили [9 с. 212].

В 1654 году генеральный писарь И. Выговский получил царскую грамоту на владение городом Ромны [17, с. 292]. Военные удачи и неудачи находили живой отклик среди украинского населения Заднепряничины. Казаки не желали оставаться на разорённых войной землях. Они готовы были платить налоги царю, лишь бы остаться на московской территории. При этом происходили конфликты между жителями московских и польских пограничных городов. Многие украинцы затем переселялись на территорию Слобожанщины. [6, с. 387-388, 411].

Через Ромны проходила дорога, которой пользовались московские бояре и служилые люди при переговорах с Б. Хмельницким. Здесь, 9 декабря 1653 года, кальницкий полковник Иван Федоренко писал боярину Бутурлину о готовности сопровождать посольство в Переяслав [9, с.501]. По «Росписи Миргородского полка» 1654 года в Ромнах значились казацкий сотник, атаман, есаул и 170 казаков. К роменской сотне были приписаны жители Липовой Долины, атаман и 62 казака [9, с. 541].

Весной 1658 года на украинских землях началось восстание под руководством гетмана И. Выговского против присутствия московских войск и ограничения автономии украинских земель. После прихода татарской орды гетман открыто выступил против московских гарнизонов на территории Левобережной Украины. Его войско осадило несколько слобожанских городков и зимой 1659 года уже контролировало почти всю территорию Заднепряничины. По указанию московского царя Алексея Михайловича была созвана казацкая рада, на которой гетманом был избран И. Беспальй. Зимой 1658-1659 годов его штаб-квартира располагалась в Ромнах. После победы под Конотопом И. Выговский преследовал отступающие к Путивлю московские войска. Однако, основные силы московского войска под руководством князя Трубецкого нанесли поражение армии И. Выговского под селом Казацкое [1, с. 573-574]. После этого украинско-татарское войско расположилась под Путивлем в 10 верстах. Начавшееся восстание в Запорожской Сечи вынудило гетмана отступить от Путивля.

После этого армия И. Выговского движется на юг и приближается к Ромнам. Местная старшина во главе с К. Войтенко выступает с переговорами о сдаче города гетману. Гарнизон города, состоящий из 500 московских солдат, был выдан под гарантии сохранения им жизни. Татары и казаки не сдержали слова и начали казнить пленных. И. Выговский, узнав об этом, велел повесить нескольких зачинщиков казни, а пленных перевёл к себе в обоз [3, с. 422]. Позднее, оставшиеся 210 драгун были освобождены под Переяславом после провозглашения гетманом Ю. Хмельницкого [2, с. 312]. После захвата города хан с ордой расположился в окрестностях Ромен. Во все стороны были посланы татарские отряды с целью грабежа. 15 дней татары грабили и сжигали окрестные сёла, не встречая сопротивления [4, с. 141].

По завершению украинско-российской войны 1658-1659 годов Ромны быстро восстанавливаются. Ремонтируется крепость, а в 1665 году тут расположился один из артиллерийских парков, «генеральная армата». В Ромны свозятся пушки, строятся склады для ядер и пороха. Кроме того, на территории крепости производился порох и селитра [29, с. 36]. В экспозиции Роменского музея хранятся несколько пушек и мортира, бывшие на вооружении Роменской крепости в XVII-XVIII веках. После перенесения гетманской резиденции в Батурин артиллерия и склады боеприпасов переводятся в Короп и Воронеж.

Во второй половине XVII века Роменская крепость была местом расположения казацкой сотни сначала Миргородского, а после его ликвидации, Лубенского полка. Казаки принимали участие в войне против войск польского короля Яна-Казимира. В 1663 году во время отсутствия основных сил гарнизона крепость была захвачена отрядом польского шляхтича полковника Телиженского. Особенно пострадали укрепления крепости и посад. Казаки роменской сотни участвовали в Чигиринских и Крымских походах.

К началу Северной войны роменская крепость была хорошо укреплена, имела на вооружении артиллерию и запасы пороха. Но укрепления крепости были деревянными и не могли долго противостоять хорошо вооруженной армии шведского короля Карла XII. Осенью 1708 года боевые действия развернулись на территории Посулья. После переправы шведских войск через Сейм Карл XII посылает генерал-квартирмейстера Гиленкрока

исследовать Ромны и, в случае необходимости, усилить крепость. Прибыв в Ромны, Гиленкрок подготовил город к обороне, при этом арестовав нескольких старшин и казаков, обвинив их в измене. Под Ромнами, в районе с. Голенка произошёл случай, очень расстроивший шведского короля. В стычке с казаками погиб один из адъютантов Карла XII генерал Линрот.

Рис. 6. Крепость города Ромны. Фрагмент карты 1724 года Якова Есенева.

В ноябре 1708 года шведская армия была расквартирована в Ромнах и окрестных сёлах. Туда же направилась и армия Петра I. Около города состоялись несколько стычек между отрядами казаков и шведской армией. Результаты этих стычек шведская и российская стороны оценивают по-разному, приписывая себе победы. Именно отсюда были посланы отряды шведов под руководством Функа и Гиленкла в Смелу и Терны. Результатом этих походов стало полное уничтожение этих городков. Царские войска, потерпев несколько поражений в стычках со шведами, отошли в Лебедин.

Зимой 1709 года Карл XII выступил с частью войска к Гадячу, оставив в Ромнах пять полков – драбантов, конницу, драгун и пехоту. Кроме того, в Ромнах осталась королевская канцелярия и суд. Суровая зима и нехватка продовольствия и фуража привели к большим боевым потерям в шведской армии. По свидетельству того же Гиленкрока, шведские солдаты страдали от обморожений и отсутствия дров в домах. Все вылазки за продовольствием и фуражом заканчивались стычками с украинскими казаками. И хоть Г. Адлерфельд пишет о постоянных победах над русскими и казацкими отрядами, положение шведского войска, расквартированного в околицах Ромен, было весьма тяжёлым [31, с. 108].

18 декабря 1708 года воспользовавшись тем, что внимание Карла XII было отвлечено событиями возле Гадяча, отряд московских войск под руководством генерала Алларта выбил сильно ослабленный гарнизон шведов из Роменской крепости. Нападение было столь неожиданным, что в руки Алларта чуть было не попал сам И. Мазепа. Шведы и казаки, верные И. Мазепе, очень спешно отошли в сторону Гадяча на соединение с основными силами шведов. Карл XII с основными силами собрался дать большой бой московской армии, но Пётр I не принял сражения и отступил из Лебедина. 3 января 1709 года шведы осадили Ромны. Российский гарнизон долго не сдавался. Для усиления крепости были покрыты льдом вал и ров, а так же склоны Сулы. Комендант крепости полковник Ласси докладывал Петру I о состоянии укреплений и артиллерии в крепости. На вооружении в Ромнах были 34 пушки и мортиры разного калибра. Комендант также просил прислать припасы пороха, ядра и пушкарей для обслуживания орудий. Шведы после двух штурмов

вынудили московский гарнизон капитулировать [28, с. 75-76]. В крепости шведы находились до весны 1709 года, а затем вынуждены были отступить под Полтаву, где произошло генеральное сражение.

Описание событий зимы 1708-1709 годов даёт информацию об устройстве Роменской крепости. Она по периметру была укреплена валом, на котором находился палисад с башнями. Гиленкрот в своём дневнике упоминает о том, что ров был заполнен водой. Скорее всего, он был наполнен осенней дождевой водой и грязью [31, с. 106-109].

После нескольких штурмов укреплениям был нанесён большой урон. В нескольких местах деревянная стена повреждена, башни разрушились. Поведение солдат и офицеров московского гарнизона в Ромнах вызвали нарекания не только у местных жителей, но и у командования. Граф Головкин в письме к гетману Скоропадскому пишет: «И что изволишь напоминат о учиненном грабежи от войск Е. Ц. В. в Ромнах жителям, сие грабление, правда, учинилось от некоторых своевольных, которые наперед приходу в тот город генерала Галларта приехали, но потом те своевольники все как офицеры, так и рядовые, по розыску изобретены. И что пограблено у них сыскано, то посланный для того нарочно от Е. Ц. В. двора майор Бартенев с полковниками и аудитором отдают ныне в Ромнах по-прежнему тем, у кого что взято. А помянутых грабителей, как офицеров, так и рядовых, велено им казнить в Ромнах смертью во страх другим. И тако видя сию казнь тем грабителям, прочие чаю уже не отважатся никогда дерзать чинить таких своевольств и грабительств» [21, с. 26-27].

До начала XX века в Ромнах сохранялся дом, где находился Карл XII зимой 1709 года. Сохранилось описание этого дома по бывшей улице Королевской. Он небольшой, деревянный, под соломенной крышей, в нём было пять комнат и сени. Из сеней направо располагалась королевская канцелярия, прямо – прихожая. Из прихожей направо кабинет, налево – гостиная [5, с. 338].

После событий Северной войны укрепления Роменской крепости восстанавливаются в прежних границах. На карте Лубенского полка 1724 года они изображены аналогично тем, что зафиксировал Г.Л. де Боплан. Не исключено, что карта французского инженера была взята за основу российским картографом Яковом Есеневым. Изображение крепости весьма условно. Это округлое укрепление с шестью бастиянами. Замок на плане отсутствует (рис. 6).

Во второй половине XVIII века крепость ремонтируется и расширяется. Кроме замка и крепости строится Подгородок. Эта часть располагалась на склоне мыса и первой надпойменной террасе р. Сула. Вал и деревянные стены были построены по склонам и вдоль береговой линии реки. Для того чтобы построить усадьбы в защищённом месте в склоне мыса были сделаны террасы, изменившие его очертания (рис. 7). Теперь восточный склон замка выглядит как ступеньки, ведущие в Суле (рис. 9).

Рис. 7. Крепость города Ромны на плане конца XVIII века.

На «Карте Черниговской губернии с разделением уездов и расположением вокруг оной уездным городам планов» 1784 года изображены укрепления в виде земляного вала и рва [10]. Крепость имела 5 бастионов и полубастионов, расположенных в северо-восточной и северной частях. Замок оставался практически незастроенным. На плане указаны несколько отдельных строений в северной части. Территория крепости была плотно застроена с преобладанием усадебной застройки. Строения были деревянными. Свободное пространство находилось перед Святодуховским собором. Здесь с середины XVIII века на территории крепости проходят две крупные ярмарки – Ильинская и Воскресенская. Для удобства проезда некоторые башни были разобраны, а вал раскопан. На этом плане укрепления Подгородка показаны только в северной и южной частях. Нижний вал к этому времени был разрушен. Крепость имела пять башен: Пригородскую, Монастырскую,

Никольскую и Житянскую (рис. 8). Они изображены на резном деревянном иконостасе Покровской церкви. Башни имели четырёхугольную форму с высоким шатровым перекрытием. Некоторые из них были многоярусными. Нижние ярусы массивные, верхние снабжены широкими проёмами для ведения артиллерийского огня. Одна из башен, изображённых на иконостасе, проездная. Она широкая, нижний ярус имеет арочный проход, закрытый решёткой. Иконостас Покровской церкви выполнен мастером Сысоем Шалмановым и датируется второй половиной XVIII века [29, с. 195].

Рис. 8. Крепость города на «Карте Черниговской губернии с разделением уездов и расположением вокруг оной уездным городам планов» 1784 года.

А. Шафонский, описывает Роменскую крепость как «городское земляное укрепление с сухим рвом, всё развалившееся, неровной, четвероугольной фигуры, при нём к реке Суле маленькая четвероугольная цитадель или замок земляной; да к низу, к той самой реке, где оканчивается городской ров, против города и замка, привязан ещё один особый Земляной вал, который Пригородок называется... В самом городском валу три развалившиеся ворота: одни от Пробитой улицы и Черниговского приезда, другие от предместья Могилки, а третьи от предместья Монастырица; в замке одни ворота к реке Суле» [30, с. 571]. Размеры крепости составляли 460х600 м.

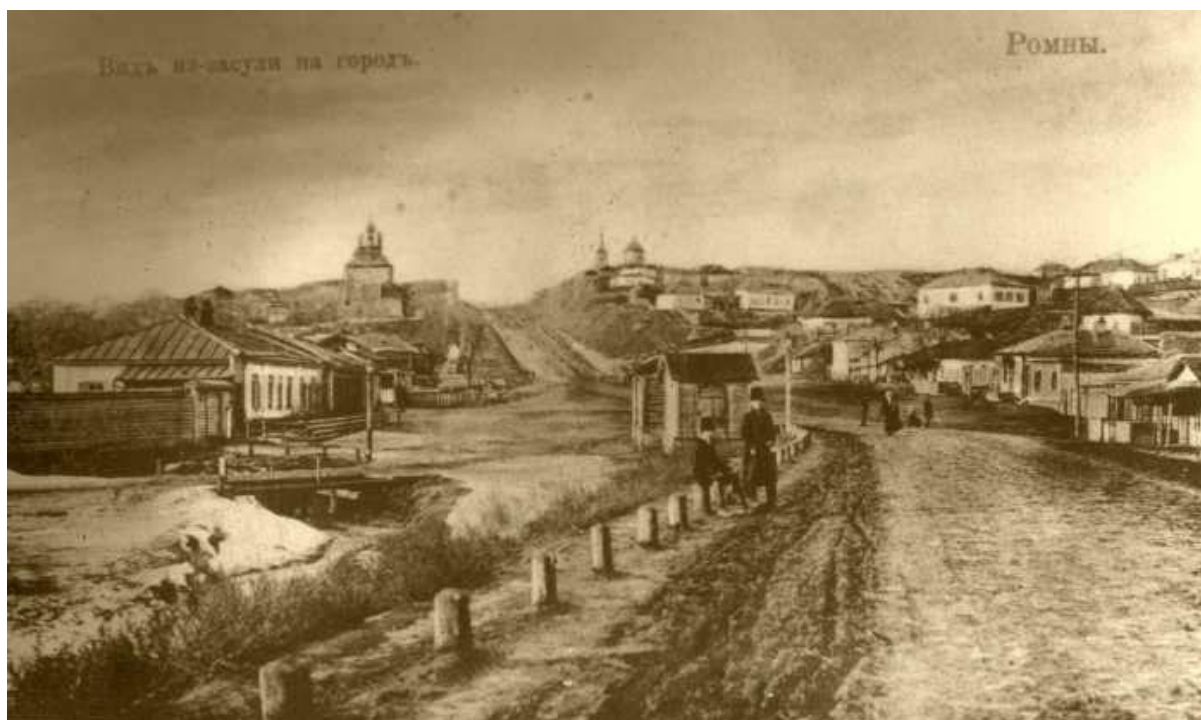

Рис. 9. Город Ромны со стороны моста через р. Сула. Вид с юга на Замок и крепость.
Фото начала XX века.

На территории крепости во второй половине XVIII века располагалась одна из крупнейших ярмарок украинского Левобережья – Ильинская. Всё пространство, свободное от застройки, использовалось под торговые ряды. Постепенно деревянные укрепления приходили в упадок и не ремонтировались. Земляные валы мешали развитию города. В 1783 году Ромны получили права и привилегии города. Через несколько лет валы крепости были использованы как сырьё для производства селитры. В середине XIX века ещё были заметны остатки этих укреплений, хотя на плане города 1803 года они не нанесены [5, с. 338].

В северной части города, вне жилых кварталов, было построено квадратное земляное укрепление бастионного типа. На «Карте Черниговской губернии...» 1784 года изображены укрепления в виде широкого рва и вала с деревянными стенами. Внутри располагались четыре здания. В. Вечерский считает, что это укрепление, возведённое во второй половине XVII века для хранения «генеральной арматы» [8, с. 331]. Однако это предположение имеет несколько замечаний. Укрепление расположено на значительном расстоянии от крепости, за чертой города. Оно находится в месте, где сходятся дороги из Прилук, Нежина и Глухова. К тому же строительство подобных укреплений более характерно для XVIII века, когда широко стала использоваться система бастионных укреплений. Скорее всего, это место расположения воинской части, которая квартировала в Ромнах.

За многие годы существования Роменской крепости в ней были выкопаны подземные ходы или тайники, ведущие к реке или под укреплениями за город. Такие ходы строились как польской стороной, так и московской. Свободный проход к воде был важным условием успешной обороны. О наличии подземных ходов в роменской крепости свидетельствуют провалы в историческом центре города, однако их исследованием никто не занимался. В. Вечерский пишет о том, что в подземельях под Ромнами некоторое время прятался известный разбойник Семён Гаркуша [8, с. 331]. Однако его пребывание в Ромнах в 1778 и 1784 годах было недолговременным. Сразу после прибытия в город С. Гаркушу арестовали [14, с. 12].

Заключення

Таким образом, Ромны имеют почти тысячелетнюю традицию фортификационного строительства. Первые крепости на территории города были построены северянами. После вхождения Посулья в состав древнерусской державы тут строится город, упоминаемый в летописях под именем Ромен. В начале XVII века на месте старых укреплений возникает замок Ромны, ставший на 50 лет центром освоения Южной Северщины. Во второй половине XVII – в начале XVIII века город пережил несколько опустошительных войн, неоднократно разрушался и восстанавливался. На территории центральной части города существовало укрепление, состоящее из замка и крепости. В конце XVIII века его укрепления были разобраны, а валы раскопаны. На сегодня укрепления сохранились на мысу в урочище Замок и по склону правого берега р. Сула на Базарной площади.

Примечания:

1. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. Том 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635-1659. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1894. 773 с.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том 7. 1657-1663. 1668-1669., СПб.: Типография В.В. Пратц, 1872. 398 с.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том 15. 1688-1659. СПб. Типография А. Катанского, 1892. 462 с.
4. Апанович О.М. Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії 50-70-ті роки XVII ст. К.: вид. АН УРСР, 1961. 299 с.
5. Арандаренко Н.И. Записки о Полтавской губернии. Составленные в трёх частях. Полтава: в типографии губернского правления, 1852. Ч. III. 500 с.
6. Багалея Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: в Университетской типографии, 1887. 615 с.
7. Боплан Г.Л. де Опис України, кількох провінцій Королівства Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансільванії, разом з їхніми звичаями, способом життя та веденням воен. Гійом Левассер де Боплан. Опис України... Проспер Меріме. Українські козаки. Богдан Хмельницький. К.: Наукова думка, 1990. С. 17-114, карта.
8. Вечерський В.В. Спадщина містобудування України: Теорія і практика містобудівних пам'яткоохоронних досліджень населених місць. К.: НДІТІАМ, 2003. 600 с.
9. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трёх томах. Том 3. 1651-1654 годы. М.: изд. АН СССР., 1953. 646 с.
10. Карта Черниговской губернии с разделением уездов и расположением вокруг оной уездным городам планов // Национальная библиотека Украины имени В.И. Вернадского. Отдел картографии. № 23439.
11. Книга Большому Чертежу. [Под ред. К.Н. Сербиной]. М., Л.: Изд. АН СССР, 1950. 228 с.
12. Кулаковський П. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618-1648). К.: Темпора, 2006. 496 с.
13. Кулаковський П.М. Роль і значення Путивля в Смоленській війні 1623-1634 рр. // Путивльський краєзнавчий збірник. Суми: Університетська книга, 2009. Вип. 5. С. 96-109.
14. Курилов И.А. Роменская старина. Исторические, статистические и бытовые записки о городе Ромне и его обывателях, от начала города до нашего времени. Ромны, 1898. 155 с.
15. Кучинський М. Місто Ромни у спогадах сучасників XVIII – початку ХХ ст. // Пам'ять століть. К., 2001. № 3. С. 22-26.
16. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку // Полное собрание русских летописей. М.: изд. Восточной литературы, 1962. Т. 1. 379 с.
17. Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Том Третий. Полк Прилуцкий. – Киев: Типография К.Н. Милевского, 1902. 454 с..

18. Ляскоронский В. Городища, курганы длинные (змиевы) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы // Труды одиннадцатого Археологического съезда в Киеве 1899. Москва: Типография Г. Лиснера и А. Гершеля, 1901. Т. 1. С. 404-457.
19. Ляскоронский В. История Переяславской земли с древнейших времён до половины XIII века. Киев: Тип. П. Чоколова, 1897. 505 с.
20. Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск: Изд. ИА РАН, Курского государственного областного музея археологии, 1996. 159 с.
21. Николайчик Ф. Ильинская ярмарка в Ромнах в период её существования // Труды Полтавской учёной архивной комиссии. Выпуск третий. Полтава: Электрическая типография Г.И. Маркевича, 1907. С. 17-105.
22. Осадчий Є.М. Пам'ятки військової історії Північно-Західної Слобожанщини XVII ст. Суми: Джерело, 2011. 346 с.
23. Плетнёва С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества. Москва: Наука, 1975. 304 с.
24. Ракитин А.С. Военные экспедиции путивльских служилых людей на Порубежье Московии и Речи Посполитой в годы Смоленской войны 1632-1634 годов // Путивльський краєзнавчий збірник. Суми, 2013. Вип. 7. С. 165-190.
25. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 77. Ед. хр. 30165. Л. б/н.
26. Семенчик М.М. Археологічні обслідування Посулля // Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Ф. ВУАК. Ед. хр. 116/16.
27. Сухобоков О. До часу виникнення міста Ромен. Археологічні розвідки // Пам'ять століть. К., 2001. № 3. С. 11-21.
28. Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию; Русский флот и внешняя политика Петра I. Ростов на Дону: Феникс, 1994. Т.3. 672 с.
29. Цапенко М.П. Архитектура Левобережной Украины XVII-XVIII веков. М., 1967. 234 с.
30. Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малья России, из частей коей оно наместничество составлено, сочинённое Действительным Статским Советником и Кавалером Афанасием Шафонским, с четырьмя географическими картами. Издание Судиенко М.И. Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1851. 697 с., 4 карты.
31. Щоденник камергера Карла XII Густава Адлерфельда про перебування шведів восени 1708 р. на Чернігово-Сіверщині. [пер. з англ. І. Колганової]. Сіверянський літопис. №4. 2014. С. 95-110.

References:

1. Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoyu Akademiei nauk. Tom 2. Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol. 1635-1659. SPb: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1894. 773 s.
2. Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu. Tom 7. 1657-1663. 1668-1669., SPb.: Tipografiya V.V. Pratts, 1872. 398 s.
3. Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu. Tom 15. 1688-1659. SPb. Tipografiya A. Katanskogo, 1892. 462 s.
4. Apanovych O.M. Zaporiz'ka Sich u borot'bi proty turets'ko-tatars'koyi ahresiyi 50-70-ti roky XVII st. K.: vyd. AN URSSR, 1961. 299 s.
5. Arandarenko N.I. Zapiski o Poltavskoy gubernii. Sostavlenne v trekh chastyakh. Poltava: v tipografii gubernskogo pravleniya, 1852. Ch. III. 500 s.
6. Bagaley D.I. Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva. M.: v Universitetskoy tipografii, 1887. 615 s.
7. Boplan H.L. de Opys Ukrayiny, kil'kokh provintsiy Korolivstva Pol's'koho, shcho tyahnut'sya vid kordoniv Moskoviyi do hranys' Transil'vaniyi, razom z yikhnyimi zvychayamy, sposobom zhyttya ta vedennyam voyen. Hiyom Levasser de Boplan. Opys Ukrayiny... Prosper Merime. Ukrayins'ki kozaky. Bohdan Khmel'nyts'kyu. K.: Naukova dumka, 1990. S. 17-114, karta.

8. Vechers'kyy V.V. Spadshchyna mistobuduvannya Ukrainy: Teoriya i praktyka mistobudivnykh pam'yatkookhoronnykh doslidzhen' naselenykh mist'. K.: NDIITAM, 2003. 600 s.
9. Vossoedinenie Ukrainy s Rossiey. Dokumenty i materialy v trekh tomakh. Tom 3.1651-1654 gody. M.: izd. AN SSSR., 1953. 646 s.
10. Karta Chernigovskoy gubernii s razdeleniem uezdov i raspolozheniem vokrug onoy uezdnyy gorodam planov // Natsional'naya biblioteka Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo. Otdel kartografii. № 23439.
11. Kniga Bol'shomu Chertezhu. [Pod red. K.N. Serbinoy]. M., L.: Izd. AN SSSR, 1950. 228 s.
12. Kulakovs'kyy P. Chernihovo-Sivershchyna u skladi Rechi Pospolytoy (1618-1648). K.: Tempora, 2006. 496 s.
13. Kulakovs'kyy P.M. Rol' i znachennya Putyvlya v Smolens'kiy viyni 1623-1634 rr. // Putyvl's'kyy krayeznavchyy zbirnyk. Sumy: Universytet-s'ka knyha, 2009. Vyp. 5. S. 96-109.
14. Kurilov I.A. Romenskaya starina. Istoricheskie, statisticheskie i bytovye zapiski o gorode Romne i ego obyvatel'yakh, ot nachala goroda do nashego vremeni. Romny, 1898. 155 s.
15. Kuchyns'kyy M. Misto Romny u spohadakh suchasnykiv XVIII – pochatku XX st. // Pam'yat' stolit'. K., 2001. № 3. S. 22-26.
16. Lavrent'evskaya letopis' i Suzdal'skaya letopis' po Akademicheskomu spisku // Polnoe sobranie russkikh letopisey. M.: izd. Vostochnoy literatury, 1962. T. 1. 379 s.
17. Lazarevskiy A.M. Opisanie staroy Malorossii. Materialy dlya istorii zaseleniya, zemlevladieniya i upravleniya. Tom Tretiy. Polk Prilutskiy. – Kiev: Tipografiya K.N. Milevskago, 1902. 454 s..
18. Lyaskoronskiy V. Gorodishcha, kurgany dlinnye (zmievy) valy, nakhodyashchiesya v basseyne r. Suly // Trudy odinnadtsatogo Arkheologicheskogo s"ezda v Kieve 1899. Moskva: Tipografiya G. Lissnera i A. Gershelya, 1901. T. 1. S. 404-457.
19. Lyaskoronskiy V. Istoriya Pereyaslavskoy zemli s drevneyshikh vremen do poloviny XIII veka. Kiev: Tip. P. Chokolova, 1897. 505 s.
20. Morgunov Yu.Yu. Drevnerusskie pamyatniki porech'ya Suly. Kursk: Izd. IA RAN, Kurskogo gosudarstvennogo oblastnogo muzeya arkheologii, 1996. 159 s.
21. Nikolaychik F. Il'inskaya yarmarka v Romnakh v period ee sushchestvovaniya // Trudy Poltavskoy uchenoy arkhivnoy komissii. Vypusk tretiy. Poltava: elektricheskaya tipografiya G.I. Markevicha, 1907. S. 17-105.
22. Osadchyy Ye.M. Pam'yatky viys'kovoyi istoriyi Pivnichno-Zakhidnoyi Slobozhanshchyny XVII st. Sumy: Dzherelo, 2011. 346 s.
23. Pletneva S.A. Polovetskaya zemlya // Drevnerusskie knyazhestva. Moskva: Nauka, 1975. 304 s.
24. Rakitin A.S. Voennyye ekspeditsii putivl'skikh sluzhilykh lyudey na Porubezh'e Moskovii i Rechi Pospolitoy v gody Smolenskoy voyny 1632-1634 godov // Putivl's'kiy kraeznavchiy zbirnik. Sumi, 2013. Vip. 7. S. 165-190.
25. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 1209. Op. 77. Ed. khr. 30165. L. b/n.
26. Semenychuk M.M. Arkheolohichni obsliduvannya Posullya // Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy. F. VUAK. Ed. khr. 116/16.
27. Sukhobokov O. Do chasu vynyknennya mista Romen. Arkheolohichni rozvidky // Pam'yat' stolit'. K., 2001. № 3. S. 11-21.
28. Tarle E.V. Severnaya voyna i shvedskoe nashestvie na Rossiyu; Russkiy flot i vneshnyaya politika Petra I. Rostov na Donu: Feniks, 1994. T.3. 672 s.
29. Tsapenko M.P. Arkhytektura Levoberezhnoy Ukrainy XVII-XVIII vekov. M., 1967. 234 s.
30. Shafonskiy A.F. Chernigovskogo namestnichestva topograficheskoe opisanie s kratkim geograficheskim i istoricheskim opisaniem Malyya Rossii, iz chastey koey onoe namestnichestvo sostavleno, sochinennoe Deystvitel'nyy Statskim Sovetnikom i Kavalerom Afanasiem Shafonskim, s chetyr'mya geograficheskimi kartami. Izdanie Sudienko M.I. Kiev: Tipografiya Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira, 1851. 697 s., 4 karty.
31. Shchodennyk kamerhera Karla XII Hustava Adlerfel'da pro perebuuvannya shvediv voseny 1708 r. na Chernihovo-Sivershchyni. [per. z anhl. I. Kolhanovoyi]. Siveryans'kyy litopys. №4. 2014. S. 95-110.

УДК 94 (477) 9-17

Роменская крепость X–XVIII веков

Евгений Николаевич Осадчий

Управление культуры и туризма Сумской областной государственной администрации,
Украина

40007 г. Сумы, Сумская область, ул. Харьковская, 38, кв. 97

Кандидат исторических наук

E-mail: sumchatyj75@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется история фортификации крепости в городе Ромны. На основе письменных и картографических источников воссоздаётся облик крепости древнерусского времени, периода Речи Посполитой и Нового времени. Данные о крепости подаются в контексте исторических событий, происходивших на территории Верхнего Посулья и имевших влияние на развитие фортификации роменской крепости.

Ключевые слова: Ромны, замок, Речь Посполитая, Северная война, фортификация.